
Елена Русанова
Лила Каттен
ВТОРОЙ ШАНС НА СЧАСТЬЕ
Я БУДУ ТЕБЯ БЕРЕЧЬ
18+

Елена Русанова

Второй шанс на счастье. Я буду тебя беречь

https://litres.ru/74794129
SelfPub; 2026

Аннотация

Она прошла сквозь предательство мужа и осталась один на один в борьбе за здоровье дочери.

Он посвятил свою жизнь спасению детских судеб, "потеряв" дочь и любимую женщину.

Смогут ли они вновь обрести и сберечь своё счастье, доверившись случаю? Вместе. Или "похоронят" свои чувства под толщей обид и воспоминаний?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9.	69
Глава 10	78
Глава 11	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Второй шанс на счастье. Я буду тебя беречь

Глава 1

Ключ поворачивается с пол-оборота. Замок щёлкает, как выстрел — тихо, но мне кажется, что на весь подъезд.

- Ну вот мы и дома, - говорю дочери, а голос дрожит.

Даша молча и неподвижно лежит, зафиксированная на специальных носилках. Санитары медленно и аккуратно заходят в квартиру, направляясь в комнату дочери, где нас уже ожидают первые изменения. Подруга подготовила квартиру к нашему возвращению: навела чистоту, убрала ковёр, чтобы не мешался, а главное — проветрила комнаты. Даже оставила на комоде в прихожей цветы - ромашки. Какие же дурацкие ромашки в конце октября. По моей просьбе Ира не просто привезла лист плотной фанеры, но и сразу заправила с ней кровать дочери. Что сейчас очень кстати.

Санитары, не торопясь, перекладывают Дашу на кровать.

- С корсетом помочь? Или справитесь?

- Спасибо за помощь. - говорю, протягивая деньги за платную медицинскую перевозку. - С остальным справлюсь.

Не дожидаясь, когда они уйдут, начинаю аккуратно расстёгивать липучки на груди и животе, а затем, слегка при-

поднимая края корсета, извлекла его из-под дочки. Ритуал, столь важный для Даши, который в короткий срок стал частью моей обыденности.

- Тогда, до свидания. Поправляйся, крошка. - обратился один из них к дочери.

- Спасибо. - робко произнесла она.

Проводив медбратьев, не успела убрать сумки, которые оставила в прихожей, как услышала голос соседки с лестничной площадки.

- А вот и пропащие. Давненько вас не было видно. Даже подумала, что съехали, а про цветок, - она указывает на подоконник на пролёте. - да и забыла. Почти сдох...

- Нет, не съехали. В больнице были. - проговариваю, ставя на порог свои баулы. - А цветок мы заберём, всё будет с ним хорошо.

- Ладно уж, но не шумите. - и скрылась за дверью.

Забрав наполовину пожелтевший «фикус», отправилась домой. Машинально поставила его на комод, рядом с ромашками. И только сейчас заметила свёрнутый лист бумаги. Развернув его увидела целый перечень специалистов с номерами телефонов.

- Ох, Ира... - всё, что смогла сказать.

Даже не представляю, сколько понадобилось времени, чтобы.... составить такую «базу». Ирин почерк, аккуратный, как в школьной тетради, фамилии, номера, даже пометки: «пн/ср после 14», «дорого, но говорят, чудотворец», «этого

осторожнее — жёсткий». Что вызывает у меня лёгкую улыбку. И это всё для моей дочери.

- Мам… - голос Даши тихий, с хрипотцой — после ДТП она почти не говорила. - Пить…

Я вздрагиваю, комкаю лист в кулаке и сую в карман джинсов. Иду на кухню, наливаю в кружку тёплой воды из фильтра — не слишком холодно, не горячо, как она любит. Добавляю ложечку мёда — врач сказал, можно, для иммунитета. И обязательный атрибут на ближайшее време — соломинка.

- Сейчас, зайка, - подкладываю небольшую подушку для удобства и помогаю дочери. - Держи.

Она пьёт мелкими глотками, и я вижу, как напрягаются мышцы на шее — каждое движение теперь стоит ей усилий. Опустошив кружку, она чуть заметно кивает.

- Укрой… - шепчет. - Я посплю… можно?

- Конечно, родная. - поправляю одеяло, подтыкая края под фанеру, чтобы не сбилось. - Спи.

Она закрывает глаза — и в ту же секунду у меня внутри включается паника. Каждый её сон теперь — как маленькая смерть. Что, если я не услышу, как она дышит? Что, если этот проклятый тихий вдох вдруг оборвётся? Первые два дня в реанимации я не спала вообще — сидела под дверью, считала минуты. А она лежала там, за стеклом, и врачи говорили: «Спинальный шок, состояние тяжёлое, молитесь».

Я тихо выхожу из комнаты, прикрываю дверь — оставляю щёлку, чтобы слышать. Потом встаю в проёме прихожей

и просто смотрю на её силуэт под одеялом. Такой маленький, неподвижный. Только раньше, когда ей было плохо, я могла её обнять, прижать к себе. А теперь даже прикоснуться страшно — я уж молчу про массаж и упражнения, один неверный поворот, и…

Я зажмуриваюсь и с силой тру лицо ладонями. Хватит. Ей нужна кровать. Специальная — с регулировкой, с бортиками, с матрацем, который не даст пролежней. Мы ведь выписались, а у меня ничего не готово. Ира, конечно, молодчина, нашла фанеру, но это временно. Я даже не думала, что это будет так быстро — четыре недели в больнице, а потом — «Мы сделали всё, что могли. Теперь всё зависит от реабилитации. Мест в нашем областном реабилитационном отделении сейчас нет, там очередь на три месяца вперёд. Документы на федеральную квоту мы отправили, ждите ответа. Готовим бумаги на выписку. Забирайте дочку домой».

Прогоняю прочь воспоминания. Телефон в руке уже включён, пальцы сами открывают браузер. Иду на кухню — там хоть свет ярче, и стол, чтобы положить локти. Наливаю себе чай, сажусь за стол и начинаю вбивать в строку поиска: «кровать функциональная для лежачих больных», «ортопедический матрас с зоной разгрузки». Страница за страницей, цены — как приговор. Одна кровать стоит моей полугодовой зарплаты, а ведь ещё нужен матрац, подушки, противопролежневая система.

Пишу Ире: «Ты — гений, спасибо за список. Может, зна-

ешь, где взять кровать? Недорого?» — и тут же стираю. Не буду её грузить. Она и так сделала больше, чем можно было просить.

И тут — вибрация. Телефон дёргается на столе, и я смотрю на экран. Одно имя, которое за последние две недели просто исчезло из жизни нашей дочери.

Артём.

Сообщение короткое: «Я приеду завтра к вечеру».

Я смотрю на эти буквы, и внутри что-то холодеет, а потом горячей волной поднимается гнев. Ну конечно. Две недели молчания — и вот, на тебе, «я приеду». Будто это не он обещал быть рядом, когда всё это началось.

Я вспоминаю тот день. Две недели назад. Больничный кабинет, запах антисептика, врач — сухой, в очках с толстыми стёклами, — смотрит поверх них.

- Предварительный диагноз — спинальная ишемия, последствия тяжёлые. Прогнозы сейчас делать рано, но есть вероятность, что двигательная активность нижней половины тела… значительно ограничится. Нужно будет длительное восстановление, реабилитация, специальный уход. Я пригласил вас обоих, чтобы вы понимали: это надолго. И это тяжело.

Я тогда смотрела на Артёма — он стоял у окна, руки скрещены, лицо каменное. Думала, сейчас он подойдёт, обнимет, скажет: «Мы справимся». Он посмотрел на меня, потом на доктора, и кивнул — один раз, как робот.

- Это необратимо? - спросил он тогда.

- Поймите, главную опасность — крупную гематому, которая пережимала спинной мозг, мы удалили. Чтобы дать мозгу шанс выжить. А пойдёт ли она снова — покажет только время после того, как сойдёт отёк. Более точный прогноз сейчас дать невозможно.

В тот вечер Артём сказал, что ему нужно «подумать» и «уладить дела». И исчез. Ни звонка, ни смс. Я сама перевозила Дашу на МРТ, сама договаривалась с санитарами, сама оплачивала счета. Когда я брала трубку — абонент недоступен. Когда писала — прочитано, и тишина.

И теперь он приедет. Завтра.

Я фыркаю, откладываю телефон в сторону и допиваю свой уже остывший чай. Рука дрожит — от злости, от усталости, оттого, что я уже не знаю, что чувствовать к этому человеку.

Беру телефон снова, но теперь с одной целью: найти кровать. Плевать на его сообщение. Дашка спит — и это мой шанс, пока она не проснулась, не попросила что-то ещё, не заплакала от боли, которую мы не можем снять до конца.

Я забиваю в поиск «авито функциональная кровать б/у». Первые же объявления — цены заоблачные, но вдруг… Вдруг кому-то она уже не нужна. Вдруг кто-то отдаёт дёшево, потому что память слишком тяжела. Пролистываю одно, второе, пятое — всё дорого, всё с пометкой «торг уместен», но я не умею торговаться, я только умею выживать.

Останавливаюсь на одном объявлении: кровать с электро-

приводом, подъём спинки, борта, противопролежневый матрас в подарок. Цена — как три мои зарплаты. И текст от женщины: «Продаю после мамы. Она ушла в январе. Кровать почти не использовали, пару месяцев. Очень хочется, чтобы она кому-то ещё помогла. Пишите, договоримся».

Пальцы сами набирают номер. Я даже не думаю о том, который сейчас час. Просто жму зелёную трубку.

В трубке — женский голос, уставший, но тёплый:

- Алло?

- Здравствуйте! - у меня голос срывается на шёпот, хотя я не кричу. - Я по поводу кровати. На Авито. Она ещё… есть?

- Да, есть. - Пауза. - Вы… для себя?

- Для дочки. - Я закусываю губу, чтобы не расплакаться. - Пять лет. Спинальная травма. Ей нужно лежать на жёстком, но с разгрузкой. Я… я посмотрела ваши фото. Мне кажется, это то, что надо.

- Ох… - Она вздыхает. - Слушайте, милая. Она вам правда нужна. И я вам отдам за половину. Только заберите сами. У меня машины нет, и помочь некому.

Я судорожно соображаю: у меня нет машины, грузчики стоят бешено, но я сейчас соглашусь на всё, лишь бы завтра Даша уже лежала на нормальной кровати.

- Я найду способ, хоть завтра утром. Вы где находитесь?

Она называет район — через полгорода от нас, но это неважно. Я записываю адрес, имя — Галина Петровна, — и обещаю перезвонить, когда придумаю, как вывезти.

Кладу трубку и смотрю на стену. Теперь надо найти грузчиков. Или попросить соседей, или… Ира, наверное, знает кого-то, вроде у её мужчины есть машина. Или тот же Артём — у него же есть машина и он всё-таки отец. Набираю его номер, но после нескольких гудков звонок сбрасывается.

- Что и требовалось доказать.

Заглядываю в комнату Даши — она спит, левая рука свесилась с кровати, пальцы чуть подрагивают во сне. Спит, значит, ей снится что-то. Или она просто ушла в эту чёрную тишину, где нет боли. Я поправляю ей одеяло, касаюсь кончиками пальцев её запястья — пульс ровный, спокойный.

- Спи, зайка, - шепчу. - Я всё решу. Я тебе кровать добуду, матрац, врачей — всех по списку. И даже если он не приедет… мы справимся. Мы же всегда справлялись.

Глаза щиплет, но я не плачу — я не могу позволить себе плакать сейчас. А пока я иду на кухню, открываю список Иры и начинаю обзванивать специалистов. Записываю на завтра невролога, послезавтра — реабилитолога, на пятницу — массажиста.

Между звонками я пишу Ире: «Нашла кровать. Отдают за половину цены. Нужна помощь с перевозкой. Ты можешь узнать у своего Серёжи? Я заплачу».

Отправляю, и тут же приходит ответ: «Без вопросов. Завтра в 11 будет. Скажи адрес».

Я выдыхаю. Одну проблему решили. Осталось ещё сто пятьдесят.

Иду в прихожую. Смотрю на ромашки — белые, свежие, с глупым жёлтым центром. Выдёргиваю одну из букета и мну в пальцах. Они не пахнут почти, только чуть-чуть травой.

- Ромашки… - шепчу. - Гадать, что ли, на них? Любит — не любит? Плюнет — поцелует? А вот это, - я смотрю на увядающий фикус рядом, - это мы реанимируем. Как Дашку. Как себя.

Я ставлю ромашку обратно в воду и смотрю на тёмное окно и слушаю, как в комнате дочери тихо, ровно дышит самый важный человек в моей жизни.

Завтра будет кровать, приедет врач, решу вопрос с работой. А он… Приедет или нет — уже не важно.

Глава 2

Утро начинается с тишины. Самой страшной, которая только бывает в этом мире, — когда ребёнок, который всегда щебетал с рассвета, лежит молча и смотрит в потолок.

Я проснулась со стойким ощущением, что что-то не так. Сердце колотится где-то в горле, пока я вскакиваю с дивана и бегу в комнату Даши. Она уже не спит. А просто лежит, уставившись в одну точку, и по её щеке течёт одинокая слеза.

- Зайка моя, что случилось? - я падаю рядом с кроватью на колени, беру её холодную ладошку в свои руки. - Дашенька, ну пожалуйста, скажи мне…

- Не хочу, - шепчет она. Голос тихий, хриплый, как будто каждое слово даётся через боль. - Не хочу ничего.

- Что не хочешь, родная?

- Ничего не хочу. - проговаривает и закрывает глаза.

У меня перехватывает дыхание. Я знала, что это случится. Врачи предупреждали: депрессия, апатия, полное отрицание. Но знать и услышать это от собственного ребёнка — две разные вселенные.

- Дашенька, - я глажу её по голове, пальцы путаются в спутанных волосах. - Даш, посмотри на меня, пожалуйста.

Она открывает глаза, но в них лишь пустота. Такая страшная и взрослая, которой не должно быть у пятилетнего ребёнка.

- Мам, я не чувствую ножек. Совсем. Даже не знаю, где они. Они… они как будто не мои.

- Это временно, милая. - говорю это, а сама сжимаю зубы так сильно, что они скрипят. - Это просто отёк, он пройдёт, и ты снова будешь бегать, слышишь?

- Ты врёшь. - спокойно произносит то, во что мне страшно поверить. - В больнице врачи обсуждали, что может быть, я больше никогда не буду ходить. Я сама слышала.

Ком в горле становится таким огромным, что я не могу дышать. Чёрт возьми, она всё слышала через ту проклятую дверь, а я думала, что она спит под действием обезболивающих.

- Даша, - я сглатываю, пытаясь унять дрожь в голосе, - доктор сказал «может быть». Это всё пока не точно. Просто… это означает, что мы будем стараться, что мы будем бороться. Ты же у меня боец, правда?

- Я устала бороться. Можно я останусь одна?

Эти слова бьют прямо в душу. Я знаю, что это не она говорит. Это говорит боль и страх, но от знания легче не становится.

- Я никуда не уйду, - твёрдо произношу. - Я буду здесь всегда. Даже если ты меня прогонишь, всё равно буду здесь. Слышишь, Дашка? Навсегда. Я — твоя мама. И я никуда не денусь.

Она молчит. Просто лежит и смотрит в стену, а я сижу на коленях рядом с её кроватью и не знаю, что делать. Как до-

стать её оттуда, из этой тьмы, в которую она проваливается. Как вытащить собственного ребёнка обратно к свету, если я сама едва держусь на плаву.

- Давай сделаем зарядку, а? - предлагаю как можно бодрее. - Те упражнения, которые нам показывали. Помнишь, мы делали их в больнице?

- Не хочу.

- Пожалуйста. Для меня. Только пять минут.

Она вздыхает так тяжело, будто на плечах у неё весь мир. Но едва заметно кивает. И я уже благодарна просто за это.

Помогаю ей принять нужное положение. Очень осторожно, каждое движение контролирую, чтобы не навредить. Одно упражнение — на дыхание. Второе — на руки. Она выполняет механически, без интереса, но выполняет. И для меня это маленькая победа.

- Молодец, зайка, - говорю, когда мы заканчиваем. - Ты такая умница. Давай теперь позавтракаем, а?

- Не хочу есть. Правда, совсем не хочется.

- Но надо. Врач сказал, что тебе нужно набираться сил.

- Он ничего не сказал. Это ты говоришь.

Она права. Она всегда была слишком умной для своего возраста. И сейчас это её ум — её проклятие. Она видит всё насквозь. И мои ложь, страх, и беспомощность.

- Хорошо, - сдаюсь. - Давай просто попьём. Тебе же нравится с мёдом?

Дочь снова вздыхает, но соглашается. Я бегу на кухню, на-

ливаю тёплой воды, добавляю мёд, кладу соломинку. И пока я всё это делаю, я чувствую, как внутри меня разрастается паника. Что если я её не вытащу? Что если она сломается там, внутри, и я не смогу её собрать? Что если эта апатия — начало чего-то более страшного, чем парализованные ноги?

Приношу кружку, помогаю ей пить. Она пьёт медленно, и я вижу, как каждое глотательное движение даётся ей с трудом. Но она пьёт. И это уже что-то.

- Мам, - говорит она вдруг, - а папа придёт?

- Он сказал, что хочет тебя навестить, - осторожно отвечаю я. - Ближе к вечеру.

- А он будет меня любить, даже если я больше никогда не встану?

- Я не знаю, милая, - говорю честно. - Я не знаю, что у него в голове. Но я знаю одно: я буду тебя любить. Всегда. Неважно, встанешь ты или нет. Ты — моя дочь. И это никогда не изменится.

Она смотрит на меня долгим взглядом. И вдруг её глаза наполняются слезами.

- Мам, мне страшно, - шепчет она, и в этом шёпоте столько боли, что мир вокруг рушится.

- Я знаю, родная. Мне тоже страшно. - Мои слёзы падают на её волосы, но я сдерживаю рыдания. Я не могу сейчас расплакаться. Я должна быть сильной. — Но мы будем бояться вместе, хорошо? Я не оставлю тебя одну. Никогда.

- Обещаешь?

- Конечно. Я всегда держу свои обещания. Помнишь?

Даша едва заметно кивает. И через несколько мгновений я вижу, как её тело расслабляется и она засыпает. Лицо её разглаживается. Всё, что осталось от того страшного разговора — мокрые дорожки слёз на щеках.

Выхожу из комнаты и прислоняюсь спиной к стене в коридоре. Закрываю глаза и дышу. Вдох-выдох. Я должна справиться.

И тут раздаётся звонок в дверь.

Я вздрагиваю так сильно, что едва не падаю. Кто это? Артём? Но он же сказал, что вечером. Неужели передумал? Или Ира решила приехать пораньше?

Я подхожу к двери, смотрю в глазок. На площадке, видимо, перегорела лампочка, и не понятно, кто же пришёл. Мужчина? Нет… женщина. Пожилая женщина, незнакомая. Я осторожно только приоткрываю, не снимая цепочки.

- Здравствуйте, - говорит женщина мягким, спокойным голосом. — Я врач-невролог, меня зовут Елена Николаевна. Мы с вами списывались вчера.

Я выдыхаю. За всей этой суетой я и позабыла о визите врача.

- Я по поводу вашей дочки, - продолжает Елена Николаевна. - Можно войти?

- Да-да, конечно, - снимаю цепочку, распахиваю дверь. - Простите, я просто… растерялась.

Провожу её в прихожую, но вдруг останавливаюсь.

- Только Даша спит. Мы только что… разговаривали, и она уснула. Я не знаю, будить ли её…

- Не будите, - говорит врач. - Я подожду. Это даже хорошо, что она спит. Значит, организм восстанавливается. Я могу пока просто посмотреть, где она лежит, в каких условиях. Проверю, что у вас есть для ухода. Это тоже важно.

Я веду её в комнату Даши. Елена Николаевна осматривает всё — кровать, матрас, положение тела, подушки. Она даже заглядывает под одеяло, проверяет, нет ли пролежней.

- Пока всё хорошо, но вам нужна нормальная кровать. С регулировкой. Та конструкция, что вы сейчас используете — она временное решение. На фанере нельзя долго лежать, это давит на позвоночник.

- Знаю. Я уже нашла кровать, за ней сегодня проеду. - перехожу на шёпот, чтобы не разбудить Дашу.

- Отлично. А коляска? Вы подумали о коляске?

- Пока нет. - чувствую себя неловко. - Я как-то не успела. Всё мысли о кровати, о врачах, о…

- Понимаю. Это нормально. Так бывает всегда вначале. Но коляска вам нужна. - Врач достаёт из сумки визитку. - Вот магазин. Там хорошие коляски, в том числе поддержанные, но в отличном состоянии. И цены приемлемые.

Беру визитку, рассматриваю. «Медтехника-Плюс». Адрес, телефон.

- Спасибо. Вы даже не представляете, как вы мне помогаете.

- Я знаю, - улыбается она. - Двадцать лет работаю с такими пациентами. И знаю главное: не упускайте время. Реабилитация должна начинаться как можно раньше. Квота — это хорошо, но ждать её можно месяцы. А в вашем случае, каждый день — упущенная возможность. Ну, и занимайтесь каждый день. Это сложно, но это единственный способ.

- Мы будем. - мой голос дрожит. - Я обещаю.

- И ещё, - Елена Николаевна кладёт руку на моё плечо, - ваше состояние тоже важно. Если мама сломается, кто будет заботиться о дочке? Вы должны спать, есть, отдыхать. Вы должны быть сильной. Но не только для неё. Для себя тоже.

Я киваю, сглатывая слёзы. Как же я устала слышать, что я должна быть сильной. Но она права. Кто, если не я?

В этот момент Даша открывает глаза.

- Мам? - голос у неё сонный, но уже не такой пустой, как раньше. - Кто здесь?

- Это врач, милая. Елена Николаевна. Она пришла тебя посмотреть. Ты же не против?

Даша смотрит на женщину настороженно, но кивает. Елена Николаевна подходит к ней, садится рядом на стул, который я заранее приставила к кровати.

- Здравствуй, Дашенька. Я слышала, ты очень смелая девочка. Можно я тебя немножко посмотрю? Это совсем не больно. Просто ручки-ножки проверю. Хорошо?

- Ладно, - говорит Даша почти шёпотом.

Врач начинает осмотр. Проверяет рефлексы. Просит Да-

шу сжать пальцы на руках, потом на ногах. Даша старается, но я вижу, как это даётся ей тяжело. Как она напрягается, пытаясь пошевелить пальцами ног, и ничего не происходит.

- Ничего страшного, - говорит Елена Николаевна, заметив её отчаяние. - Это нормально на этом этапе. Мозгу нужно время, чтобы восстановить связь с ногами. Ты знаешь, что такое нейропластичность?

- Нет, - шепчет Даша.

- Это когда твой мозг учится заново. Как будто он перестраивает дорожки, по которым бегают сигналы. Сначала там просто грязь, и никто не может пройти. Но если ты каждый день будешь посылать сигналы, дорожки станут чище. И однажды по ним проедет машина. Поняла?

Даша задумывается. Потом спрашивает:

- А если я не буду посылать сигналы?

- Тогда дорожки заросли бы травой, - спокойно отвечает врач. - И пришлось бы начинать сначала. Поэтому мы не будем позволять им зарастать, правда? Каждый день будем делать зарядку, даже если очень не хочется. Даже если кажется, что ничего не получается. Каждое движение — это маленький шаг. И они складываются в большую дорогу.

Даша молчит, но видно, как она обдумывает эти слова.

- А я смогу когда-нибудь бегать? - спрашивает она вдруг. - Как раньше?

- Честно? - Елена Николаевна смотрит ей прямо в глаза. - Я не знаю. Никто не знает. Но я знаю другое: если не ста-

раться, точно не сможешь. А если стараться — есть шанс. И шанс этот не маленький. Ты очень молодая, твой организм — он как пластилин. Его можно слепить заново. Так что давай попробуем, а?

Даша снова молчит, а потом кивает. И я вижу, как в её глазах загорается что-то. Слабое, маленькое, почти незаметное — но она там есть – надежда.

- А ещё тебе нужно гулять. Свежий воздух — лучшее лекарство. Солнышко. Ветер. Даже если ты не можешь ходить, ты можешь дышать. Чувствовать и видеть. Это важно. Мир не остановился, Дашенька. Он всё ещё ждёт тебя.

- Я хочу гулять, - вздыхает дочь. - Мам, когда мы пойдём гулять?

У меня перехватывает дыхание. Впервые за две недели она чего-то хочет.

- Я найду коляску, зайка, — обещаю я. — Обязательно. И мы пойдём гулять.

Врач улыбается.

- Ну вот видите, - говорит она мне. - Она уже хочет. Это главное. Остальное приложится.

Я провожаю Елену Николаевну до двери. Она даёт мне ещё несколько советов — по питанию, по уходу, по упражнениям. Я запоминаю каждое слово. Когда она уходит, я чувствую, как в груди становится легче.

- Мам, - зовёт Даша. - А когда мы будем делать упражнения?

- Скоро, милая. Только я позвоню тёте Ире.

Я достаю телефон, смотрю на время. Ого, уже почти одиннадцать. Ира скоро подъедет, а я ещё не готова. Набираю её номер.

- Наташ, привет! - голос подруги звучит бодро, даже слишком бодро. - Мы на месте. Открывай двери.

- В смысле? - переспрашиваю я.

Но она уже сбросила звонок. Я стою в прихожей, глядя на телефон несколько минут, и ничего не понимаю. Звонок в дверь застаёт меня врасплох. Я открываю и вижу Иру, сияющую, запыхавшуюся, счастливую.

- Ну что, принимай «аппарат»! - говорит она, отодвигая меня в сторону.

Следом за ней появляется, видимо, Серёжа, но он не один. Позади него… двое парней несут самую красивую, самую функциональную кровать, какую я когда-либо видела.

- Ира, - говорю я шёпотом. - Ира, что... сама?

- А ты хотела дочь одну оставить? - улыбается она. - Ты же скинула мне данные. Я позвонила Галине Петровне, договорилась, забрала, привезла. Всё просто.

Парни проносят кровать в комнату Даши, и я вижу, как расширяются глаза моей дочери.

- Мам, - говорит она. - Это мне?

- Тебе, зайка. Теперь ты будешь спать на ней.

- Она красивая, - говорит Даша. - Как принцессина.

- Потому что ты у меня принцесса, - улыбаюсь. - Только не

говори никому, что у принцесс есть специальные лечебные кровати.

Даша улыбается. Впервые за столько дней.

Мы устанавливаем кровать. И аккуратно перекладываем Дашу на неё. Матрас — специальный, противопролежневый, хоть и жёсткий, но здесь ей намного удобнее. Дочка закрывает глаза от удовольствия.

- Спасибо, - шепчет она.

- Да ладно тебе, - смущается Ира. - Это всё ерунда. Ты лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

- Хорошо. - А затем пауза. - Ну, не очень хорошо, но лучше. - Она смотрит на меня. - Мам, а мы когда пойдём гулять?

Вся комната замирает. Даже парни, которые уже начали что-то собирать в прихожей, затихают.

- Да, кстати, - говорит Ира, вытаскивая из моих рук визитку магазина, которую я теребила всё это время. - Это, пожалуй, я заберу себе.

- Что? - я смотрю на неё. - Ира, ты…

- Наташ, хватит уже, - говорит она твёрдо. - Ты слишком много думаешь. Мы же здесь. И я хочу помочь. Коляска будет завтра. И не спорь.

Я открываю рот, чтобы возразить, но она поднимает руку.

- Ни слова. Это не обсуждается. Серёжа, мы идём.

Она чмокает меня в щёку, машет рукой Даше и вылетает из квартиры, оставляя меня стоять посреди комнаты с открытым ртом.

- Мам, а давай делать упражнения? Ну те, которые доктор сказала.

- Давай, - сбрасываю оцепенение.

Мы начинаем заниматься. Сначала разминка — дыхательные упражнения, потому что после травмы лёгкие ослабевают. Потом руки — сжимаем, разжимаем, поднимаем, опускаем. Даша старается, хотя я вижу, как ей тяжело. Как она напрягается, как потеет от усилий.

- Молодец, ещё совсем немного. Ты такая сильная.

- Я устала, - жалуется она. - Мам, я больше не могу.

- Ещё минуту, - уговариваю я. - Всего одну минуту. А потом будешь отдыхать.

- Хорошо. - Она сжимает зубы и продолжает. - Но только одну минуту.

Мы заканчиваем ровно через минуту. Я вытираю её лицо влажным полотенцем, даю воды. Она пьёт, а потом просит включить мультики.

Включаю планшет, ставлю её любимый мультфильм. Даша смотрит, и я вижу, как постепенно она расслабляется, как уходит напряжение. Она становится просто ребёнком, который смотрит мультики, а не пациентом, который борется за жизнь.

Я сижу рядом и смотрю на неё. И думаю о том, как много всего произошло за сегодня. Как много всего изменилось. Как вчера я была одна, раздавленная, без сил, без надежды. А сегодня — у меня есть кровать, есть план лечения, будет

коляска. У меня есть Ира. И есть Даша, которая начинает потихоньку возвращаться к жизни.

Беру телефон, перевожу Ире деньги за кровать и за коляску. Она в ответ ставит смайлик — смайлик, который показывает язык.

Я улыбаюсь. Мы точно справимся.

И в этот момент снова раздаётся звонок в дверь.

Я замираю. Кто это опять? Ира вернулась? Или соседка? Я встаю, иду к двери, смотрю в глазок, а там – Артём.

Глава 3

Открываю дверь. Цепочка слетает с грохотом, и я сама не понимаю, почему так дёргаю задвижку. Артём стоит на пороге. Руки в карманах куртки, плечи напряжены. Он выглядит... растерянным. Как будто он тоже жертва обстоятельств.

- Привет.

Простое слово, но я слышу в нём тысячу смыслов. Я могла бы захлопнуть дверь. Могла бы высказать всё, что накопилось за эти дни. Могла бы просто стоять и молчать, заставляя его чувствовать себя неловко. Но за его спиной — тишина подъезда, а за моей — дочь, которая уже знает, что папа обещал прийти.

Я делаю шаг назад.

- Проходи. Даша ждёт.

Он переступает порог, и я чувствую запах его одеколона. Тот же, что и раньше, когда мы были семьёй. Артём вешает куртку на вешалку и идёт дальше.

Я захлопываю дверь и иду за ним в комнату. Иду медленно, потому что ноги не слушаются. Мне до сих пор не верится, что он всё-таки пришёл.

Артём проходит в комнату Даши и останавливается. Я вижу его спину — напряжённую, словно он готовится к удару. Он смотрит на дочь, и я не вижу его лица, но вижу, как дёргаются его пальцы, сжатые в кулаки.

Подхожу к дочери, надеваю ей корсет, туго застёгивая липучки, без этого садиться врачи строго запретили. А после чуть приподнимаю изголовье кровати, благо, что она автоматическая.

Я хотела, чтобы она говорила с ним. Чтобы видела отца. И знала, что он... что он не исчез навсегда.

- Папа! - её голос звенит, и в этом звоне столько боли и надежды, что у меня сердце разрывается. - Ты пришёл!

Артём осторожно делает шаг вперёд, словно боится. Подходит ближе к её кровати и садится на стул, который я поставила сбоку. Я вижу, как он смотрит на Дашу. Как взгляд скользит по её лицу, по корсету, по неподвижным ногам под одеялом. Как он задерживается на её руках — тонких, бледных, с синими прожилками вен.

- Привет, малыш.

- Пап, я так скучала! Ты где был? Ты почему не приходил ко мне в больницу? Мне было очень страшно, а тебя не было!

Артём сглатывает. Я вижу, как дёргается его кадык. Он отводит взгляд. Смотрит в окно, на серое октябрьское небо.

- Я... у меня были дела, Даш. Важные дела. Работа... — он запинается, и я чувствую, как внутри меня закипает злость. Серьёзно? Он говорит о работе?

- А мама говорила, что ты придёшь, - дочь смотрит на него с такой доверчивостью, что у меня горло сжимается. - Я каждый день ждала.

Артём молчит. Смотрит на свои руки. Потом поднимает

взгляд на Дашу, и я вижу его глаза — затравленные, полные... только чего? Страха? Стыда?

- Прости, Даш. Мне... мне нужно было решить некоторые вопросы. Но я пришёл.

Он протягивает руку и касается её плеча. Я вижу, как Даша буквально тает от его прикосновения. Как её глаза загораются тем детским светом, который я так боялась потерять навсегда.

Оставляю их и ухожу на кухню. Надо, чтобы дочь хоть что-то поела. Возможно, приход Артёма хоть как-то повлияет на её желание. Быстро организовываю манную кашу, и после того, как остудила её, возвращаюсь к ним в комнату.

Моя догадка оказалась верной, поэтому помогаю ей с едой, пока она не передумала. Артём всё это время стоял поодаль и молча наблюдал за нашей рутиной.

Закончив с кашей, дочь продолжила засыпать отца вопросами.

- Пап, я теперь не могу ходить. Мама говорит, что это временно, но я... я слышала, что врачи говорили. Они сказали, что я могу никогда не встать. Это правда?

Я вижу, как Артём вздрагивает. Он смотрит на меня. Вопрос в его глазах: «Что мне ей сказать?».

- Дашенька, мы уже говорили об этом. Мы будем бороться, помнишь? И врачи сказали, что есть шанс. И мы будем делать всё, чтобы ты снова встала на ножки.

Артём лишь кивает, но его кивок какой-то... механиче-

ский. Он смотрит на меня, потом на Дашу, и я вижу, как он спинку стула, на котором я сижу.

- Пап, а ты меня любишь?

- Конечно, люблю, - отвечает он, но его голос звучит настолько неубедительно, что я сжимаю зубы. - Ты моя дочь.

Просто факт, как данность. Не чувство, а обязательство.

- Ты тоже будешь делать со мной упражнения? - спрашивает Даша. - Мама делает, но она устаёт, а ты сильный.

Артём смотрит на её ноги под одеялом. Долго смотрит. Потом переводит взгляд на корсет.

- Даш, я... - он мнётся, и я чувствую, как злость поднимается внутри меня волной. - Я не умею делать такие упражнения. Я же могу навредить.

- Я научу, - говорю я. Голос мой звучит ровно, но я чувствую, как дрожат пальцы. - Всё покажу. Это несложно. Главное — аккуратность.

- Я не могу, - вырывается у него. - Я... я не могу смотреть на неё такую.

Тишина звенящая и давящая заполняет комнату. Даша смотрит на отца, и я вижу, как гаснет свет в её глазах, как улыбка сползает с лица. А потом она отворачивается к стене.

- Я, наверное, пойду, - говорит Артём. - Мне ещё нужно...

- Пап, - голос Даши — тихий, - ты ещё придёшь? Правда?

- Я буду стараться.

Смотрю на эту сцену, и внутри меня всё закипает. Будто общение с собственной дочерью — это подвиг.

- Я провожу, - говорю я.

Опускаю изголовье, аккуратно расстёгиваю корсет, пока Даша лежит неподвижно. Она не смотрит ни на меня, ни на отца, просто пустой взгляд, направленный в стену.

- Зайка, я сейчас вернусь, - шепчу я. - Ты только не расстраивайся, хорошо?

Но она не отвечает. Я наклоняюсь, целую её в щёку и выхожу из комнаты.

Артём уже стоит в прихожей. Он успел надеть куртку и готовился уйти.

- Ты не сказал ей, когда вернёшься, - мой голос дрожит. Я знаю, что сейчас сорвусь, но не могу остановиться.

- Я не знаю, — он смотрит в сторону, на комод. На ромашки, которые завяли за день, на фикус, на всё, что угодно, только не на меня. - Я не могу, Наташ. Я не могу смотреть на неё в таком состоянии.

- В каком состоянии? - чувствую, как голос повышается. - В состоянии, когда она нуждается в отце?

- Ты не понимаешь, - он поворачивается ко мне. - Это тяжело. Я не готов к этому.

- Она обязательно встанет и пойдёт! - кричу я, уже не сдерживаясь. - Если мы будем заниматься! Если отправим её на реабилитацию!

- Я буду помогать, - говорит он, но его голос звучит неуверенно.

- Чем? - смотрю на него в упор. - Физически — ты не хо-

чешь. Может быть, финансово? С тех пор как мы разъехались, ты вообще помогал... ей?

- Я... - он мнётся, - я не думал...

- Конечно, ты не думал. Ты просто исчез. А теперь приходишь, смотришь на неё с таким видом, будто она — проклятие, и уходишь. Снова.

- Наташ, прекрати, - он делает шаг ко мне, и я отступаю. - Ты не представляешь, что я пережил, когда я увидел её... когда я понял, что она никогда не...

- Не смей, - я поднимаю руку, останавливая его. - Не смей говорить «никогда». Она не сдалась, понял? Она борется. Каждый день. А ты... ты просто трус.

Артём молча опускает глаза.

- Ей нужна реабилитация. Срочная. Пока не прошло время и есть шанс. Нам нужны занятия, массаж, физиотерапия. Всё это стоит денег. И не малых. Ты можешь помочь?

Он молчит. Я смотрю на него, и вижу, как он переминается с ноги на ногу.

- Я... я не могу сейчас, - говорит он. - У меня нет денег. Я недавно оплатил Владу курс в центре.

- Владу, ты оплатил, а на дочь, которая лежит парализованная, у тебя денег нет?

- Это другое...

- Ты знаешь, Артём, я всегда думала, что ты просто слабый. Что тебе нужно время, чтобы принять. Но теперь я вижу: ты просто равнодушный. Тебе всё равно.

- Наташ, я не могу сейчас это обсуждать, - он отворачивается к двери. - Я позвоню.

- Не надо. Я больше не верю твоим словам. Скажи честно: ты не хочешь с этим связываться. Ты боишься. Ты боишься, что это навсегда. Что она не встанет. Что тебе придётся заботиться о ней. И ты просто сбегаешь, потому что тебе проще списать всё на меня.

- Ты не понимаешь, - он поворачивается ко мне, и я вижу гнев в его глазах. - Ты не представляешь, что я чувствую!

- А ты не представляешь, что чувствую я! - почти кричу. - Когда я видела её в первый раз после операции! Когда она открыла глаза и спросила: «Мама, почему я не чувствую ножек?»! Где ты был, когда я подписывала документы на её выписку, когда я везла её домой, когда я искала кровать, врачей, коляску? Тебя не было! Ты даже в палату к ней не заходил, всё узнавал через меня и врачей.

Артём молчит. Стоит в прихожей, опустив голову, и я вижу, как его плечи вздрагивают.

- Я хочу быть рядом, но я не могу.

- Не можешь или не хочешь?

- Я не знаю, - шепчет он.

Подхожу к двери, открываю её, указываю жестом, что больше не задерживаю. Но напоследок решаю напомнить ему.

- Слушай. У нас в конце недели суд. Я подала на алименты. Ты должен прийти обязательно. Я не буду тебя заставлять

быть отцом, но финансовую ответственность ты понесёшь. Это не обсуждается.

- Я приду, - кивает он.

- Хорошо. Тогда прощай.

- Наташ, я... - он начинает, но я перебиваю его.

- Кажется, ты хотел уйти. Иди. Мне нужно к дочери.

Он смотрит на меня. Опускает глаза и уходит.

Дверь захлопывается.

Я стою в прихожей, прислонившись к стене, и чувствую, как дрожит всё тело. Как пальцы немеют от напряжения. Как сердце колотится где-то в горле. Я сказала всё, что накопилось. Не сдержалась, но мне уже всё равно.

Иду в комнату Даши. Она лежит, отвернувшись к стене. Мишка, которого она держала утром, лежит на полу. Я поднимаю его, кладу рядом с дочкой.

- Он больше не придёт, да? - голос у неё глухой. Пустой.

- Думаю, да, - сажусь рядом с кроватью. - Он не справляется. Так иногда бывает. Некоторые люди не могут смотреть на боль. Но это не твоя вина, Даш. Ты здесь ни при чём.

Она ничего не отвечает, просто поворачивается и смотрит так пронзительно.

- Мам, убери мишку. Он мне не нужен.

Беру игрушку и убираю в шкаф.

- Хочешь, я почитаю тебе?

- Нет, - она закрывает глаза. - Посиди со мной.

Сажусь рядом и глажу её по голове. Дочка молчит, и я

слышу её дыхание — ровное, спокойное. Она засыпает.

Смотрю на неё, и внутри меня всё болит. Я не знаю, как вытащить её из этой тьмы. Как сделать так, чтобы она снова улыбалась. Как заставить её поверить.

Глава 4

Утро после вчерашнего визита Артёма было тягучим, как резина. Даша молчала, но в её молчании появилось что-то новое: не апатия, а скорее настороженное ожидание. Словно она проверяла, не исчезнет ли и мама, как папа.

Я работала на кухне, мне удалось договориться с начальством о переводе на удалёнку. Ноутбук, который специально забрала из офиса, стоял на обеденном столе, и я перебирала таблицы, отвечала на письма, сверяла отчёты. Пальцы двигались механически, а мысли постоянно возвращались в комнату, где лежала Даша. Включённый планшет тихо бормотал её любимые мультики — я слышала знакомые голоса и музыку, и это было единственным, что удерживало меня от того, чтобы каждые пять минут бегать проверять, дышит ли она.

- Мам, - донеслось из комнаты. - А когда мы пойдём гулять? Ты обещала.

- Скоро, зайка, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. - Коляска должна вот-вот приехать.

И в этот момент, словно услышав нас, раздался звонок в дверь.

Я даже подскочила от неожиданности. Открываю — на пороге стоит невысокий парень в синей куртке с логотипом службы доставки. А рядом с ним стояла большая, внуши-

тельных размеров коробка, из которой торчали колёса.

- Здравствуйте, - парень запыхался, видимо, из-за того, что поднимался пешком, - Вам доставка. Коляска «Атлант» — заказ от Ирины. Распишитесь вот здесь.

Машинально взяла протянутый планшет, расписалась, не глядя. Парень ловко, с явной практикой, занёс коробку в прихожую, развернулся и ушёл, оставив после себя запах свежего картона.

Стояла и смотрела на коробку пару минут, а затем потащила в комнату дочери. Она казалась огромной. И главное, тяжёлой. Это была не просто коляска, а целое признание: наша жизнь изменилась. Но это был и шаг вперёд.

Я взяла ножницы, разрезала скотч. Аккуратно, почти с благоговением. На моё удивление наш «транспорт» был уже собран, что значительно облегчало нашу ситуацию. Коляска была красивой и стильной, и совсем не похожа на что-то «больничное».

- Ну что, Даш? Смотри, кто к нам приехал.

Даша оторвалась от планшета и уставилась на коляску. В её взгляде мелькнуло что-то сложное: любопытство, страх и — кажется — робкая надежда.

- Это... мне? - спросила она, и голос её дрогнул.

- Тебе, принцесса, - я улыбнулась, стараясь скрыть ком в горле. Ну, что идём гулять. - на такое предложение она только с радостью улыбнулась.

Наш выход на улицу начался за полчаса до самой прогул-

ку — с подготовки. Сначала оделась сама, затем приступила к дочери. Главное — всё делать быстро. Октябрь — не май, нужно было одеться так, чтобы не замёрзнуть, но не вспотеть. Натянуть колготки, поверх тёплые штаны с мягким поясом, чтобы не давили, на пятилетнего ребёнка, у которого ноги двигаются как пластилиновые плети, - это отдельный квест. Мне приходилось переворачивать дочку с боку на бок, натягивая утеплённые джинсы на безжизненные стопы, которые постоянно подворачивались.

После свитер, шапка, куртка. А затем - жёсткий корсет. Я затянула липучки на животе и груди, пока дочь лежит. Даша кряхтит: корсет тугой, и уличная одежда под ним жмёт.

Когда всё закончено, быстро отношу коляску, с уже откинутой спинкой и со специальной гелевой подушкой под попу на первый этаж, и возвращаюсь за дочерью. Беру её горизонтально «как бревно» и спускаю на руках на первый этаж, замирая на каждом пролёте. Моя спина горит от усталости ещё до того, как мы вышли на улицу. На первом этаже усаживаю дочку в коляску, тяжело дыша. Радует, что дверь можно было просто зазлопнуть.

Ещё один плюс в том, что не придётся преодолевать ступеньки крыльца подъезда, так как сбоку есть бетонный спуск.

Когда, наконец-то, колёса встают на асфальт, наваливается оглушительная реальность. Несмотря на то, что на дворе осень, солнце ярче, чем в квартире или больничной палате.

И Даша щурится.

- Мам, смотри! - показывала она. - А мы можем до того дома дойти?

Её звонкий голос привлёк внимание соседей у подъезда и прохожих. В их глазах читалась смесь жалости, любопытства и страха. Мне инстинктивно хочется идти быстрее, чтобы спрятать дочку от этих глаз, но быстро идти не получается.

Каждая мелкая трещинка на дороге, каждый стык тротуарной плитки, который раньше казался незаметным, теперь отзывается глухим стуком в колёсах. Я судорожно вглядывалась в дорогу перед собой, объезжая каждую ямку. Ведь любой резкий толчок — это микроудар по неокрепшей спине дочери.

Мы добрались до детской площадки. Только теперь она видела её снизу. С высоты коляски, которая стояла на асфальтовой дорожке.

На площадке играли дети. Бегали, кричали, смеялись. Мальчик лет шести забирался по лестнице на горку, девочка в розовой куртке раскачивалась на качелях. Даша смотрела на них и молчала. Я видела, как меняется её лицо: сначала любопытство, потом узнавание, потом — горечь.

- Мам, - голос её стал тише, - а я когда-нибудь смогу так же?

Сердце сжалось. Я присела рядом с коляской на корточки, взяла её руку.

- Ты сможешь, Даш. Может быть, не в ближайшие дни. Может быть, даже не через месяц. Но мы будем стараться. Каждый день. И однажды — обязательно.

Она не ответила мне. Просто смотрела на детей.

- Пошли домой, - сказала она вдруг. - Холодно.

- Давай ещё немного?

- Нет. Пошли домой. Я замёрзла.

Я понимала, что дело не в холоде. Слишком много всего сразу. Слишком ярко, слишком больно. Развернула коляску, и мы направились обратно к подъезду.

Путь обратно был труднее. Снова лестница. Я снова несла её на руках, снова тащила коляску, снова чувствовала боль в спине. Но мы справились. Замок щёлкнул, входная дверь закрылась за нами, и мы оказались дома, в тишине и тепле.

Переложила её обратно на кровать, сняла корсет, одежду и поправила одеяло.

- Устала? - спросила я.

- Немного, - она зевнула. - Но я... я рада, что мы погуляли. Правда. Только там было много людей. Они смотрели.

- Я знаю, - погладила её по голове. - Они просто не умеют по-другому. Им интересно, и они не понимают, что это невежливо. Но мы с тобой знаем, что ты — самая красивая девочка во дворе, а они просто завидуют твоей новой машине.

Даша хихикнула. Слабо, но искренне.

- Я люблю тебя, мам.

Я склонилась к ней, поцеловала в висок.

- И я тебя, родная.

Она уснула быстро. Я выпрямилась, поправила одеяло, убрала куртку в прихожую. Заглянула в кухню — ноутбук всё ещё был открыт, на экране мигал курсор. Работа ждала. Я села за стол, вздохнула, и напечатала Ире: «Гуляли. Она сказала, что ей понравилось. Спасибо за помощь».

Ответ пришёл через минуту: «Главное, что она довольна. Забегу вечером. Есть новости».

Я улыбнулась и снова посмотрела на телефон. Там, в списке сообщений, оставалось одно непрочитанное — от Артёма: «Я подумаю насчёт алиментов». Прочитала и удалила.

Глава 5

Ира влетает в квартиру, как ураган, — с раскрасневшимися щеками и горящими глазами. За спиной у неё хлопает дверь, а я ещё даже не успела сказать «привет».

- Наташ! Ты не поверишь! - она скидывает куртку прямо на комод. - Я нашла центр! Настоящий! Слушай...

Она вытаскивает телефон, пальцы летают по экрану с такой скоростью, будто от этого зависит жизнь. Я смотрю на неё, и внутри меня что-то ёкает — хорошо это или плохо, я пока не понимаю.

- Смотри, - Ира поворачивает ко мне экран. На нём — сайт. Светлый, современный, с улыбающимися детьми на фото. Я сразу же замечаю среди них и тех, кто сидит в колясках. И тех, кто стоит, опираясь на ходунки. - Это частный реабилитационный центр "Новая жизнь". Они работают со спинальными пациентами. И, Наташ, у них есть методики! Интенсивная терапия, вертикализация, специальные тренажёры. У них даже бассейн есть! И ещё что-то, но названия слишком умудрённые.

Я беру телефон из её рук и начинаю листать. Фотографии просторных, светлых залов, улыбающиеся инструкторы, дети, занимающиеся на каких-то сложных конструкциях. Отзывы — от родителей, чьи дети встали после травм. Много отзывов.

- Ира, - голос мой дрожит, - это... это же дорого.

- Дорого, - соглашается она, нисколько не смущаясь. - Но, Наташ, посмотри на эти цифры. Результаты. Они пишут, что за три месяца интенсивных занятий многие дети начинают делать первые шаги. Первые шаги! Ты понимаешь?

Я-то понимаю. Ровно так же как и тот факт, что у меня на карте только — недавно переведённая зарплата, и небольшая сумма на накопительном счёте, но вряд ли этой суммы хватит.

- Сколько? - спрашиваю, боясь услышать ответ.

- Курс — три месяца. Плюс проживание, питание... - Ира замялась. - Около миллиона. Но! - она поднимает палец вверх, останавливая мои возражения. - Есть рассрочка. Также не забывай, что есть благотворительные программы. Я уже позвонила им, пока ехала к тебе. Они сказали, что можно подать заявку на частичное финансирование, если есть справки, документы...

Я сажусь на стул, потому что ноги вдруг становятся ватными. Миллион. Где мне взять миллион? Но Ира права — я должна попробовать.

- Ты... ты серьёзно уже звонила?

- А ты думала, я шучу? - она садится напротив, нашаривает мою руку. — Наташ, я же вижу, как ты себя изводишь.Но нужен профессиональный подход, оборудование и специалисты. А этот центр — он реально крутой. Я проверила. У них сертификаты, лицензии, даже в Европе стажируются.

Я смотрю на неё, и слёзы сами собой выступают на глазах.

- Ир, я... я даже не знаю, что сказать. Ты уже столько сделала...

- Ничего не говори! - отрезает она. - Просто соглашайся. Я помогу с документами. Мы всё организуем.

В этот момент из комнаты доносится звук — тихий, прерывистый, похожий на всхлип. Или на кашель. Я настораживаюсь. Даша смотрит мультики, и обычно она делает это громко, иногда комментирует, иногда смеётся. Но сейчас — тишина. Только этот странный звук.

- Даш? - зову я, поднимаясь со стула.

- Мам... — голос тихий, едва слышный. Слишком тихий. И какой-то... как будто издалека.

Я бегу. Ноги сами несут меня в комнату. Ира за моей спиной — я слышу её шаги, но не оборачиваюсь.

В комнате я замираю на пороге.

Даша сидит в кровати, опираясь на подушки — я посадила её перед мультиками, чтобы ей было лучше видно планшет. Но сейчас она не смотрит на экран. Её глаза широко раскрыты, в них — страх. Она пытается вдохнуть, но вдох получается поверхностным, прерывистым. Губы — синеватые. Лицо бледное, как бумага. Она хватает ртом воздух, и этот звук... я слышала его когда-то — в реанимации, когда она только очнулась после операции. Когда врачи боролись за её дыхание.

- Даша! - кричу я, и собственный голос кажется мне чу-

жим, искажённым. Я подлетаю к дочери, опускаю изголовье кровати, чтобы дочь лежала ровно. Помню, что говорили врачи: если есть проблемы с дыханием, нужно горизонтальное положение. А дальше начинаю быстро расстёгивать корсет, но пальцы не слушаются.

- Не могу... - шепчет она, и каждое слово стоит ей неимоверных усилий.

Ира появляется в дверях, и я вижу, как расширяются её глаза.

- Наташ, что с ней?

- Не знаю! - кричу я, и голос срывается на истерику. - Она не может дышать! Смотри — синева вокруг губ!

- Тише, тише, зайка, - говорю, и руки мои трясутся так сильно, что я едва справляюсь с липучками корсета. - Я сейчас... я помогу тебе...

Она уже не пытается говорить. Дочь просто смотрит на меня — эти огромные глаза, полные страха и мольбы. Даша не может вдохнуть нормально. Грудная клетка поднимается рывками, с хрипом, а воздуха всё нет. Её пальцы хватают одеяло, сжимают его, и я вижу, как на её ногтях проступает синева.

- Дыши, Даша, дыши! - кричу я. - Пожалуйста!

Затем мы с подругой вдвоём аккуратно, но быстро переворачиваем Дашу на бок. Я подставляю руку под её голову, чтобы она не упала. Ира что-то говорит, но я слышу только хриплое дыхание дочери.

И вдруг — этот звук. Глубокий, судорожный вдох. Потом ещё один. И ещё. Даша кашляет — грубо, надрывно, но кашляет. А значит — дышит. Воздух входит в её лёгкие. Я чувствую, как её тело расслабляется, и спазм отпускает.

- Молодец, моя маленькая.

Я глажу дочку по голове, по щеке, по руке, проверяя, тёплая ли она. Губы всё ещё синеватые, но уже не такие, как минуту назад. Дыхание становится ровнее.

А понимание ситуации становится настолько очевидным — медлить больше нельзя.

Глава 6

Я сижу на кухне уже третий час. Передо мной — горы документов: выписки, справки, заключения, копии паспортов, СНИЛСов, ИНН. Пальцы онемели от того, что я постоянно что-то перекладываю, подписываю, сканирую. Телефон раскалился добела от постоянных звонков в благотворительные фонды. В голове — каша из цифр, названий, обещаний и отказов.

- Ваша заявка принята, мы рассмотрим её в течение двух недель... - голос в трубке звучит приветливо, но отстранённо. Две недели, когда Даша лежит и ждёт. А время — оно уходит, как вода сквозь пальцы.

- Спасибо, - говорю и кладу трубку.

Смотрю в потолок. Рисунок на нём — трещинка, которую я не замечала раньше. Тонкая, как паутинка, она тянется от люстры к углу. Раньше я бы вызвала мастера, замазала бы её, покрасила. А теперь... мне всё равно на эту трещинку. Мне всё равно на всё, кроме Даши.

В комнате тихо. Дочь спит. После того эпизода с дыханием я с ужасом слушаю каждый её вдох. Иногда подхожу, наклоняюсь, кладу руку на грудь, чтобы убедиться — она дышит. Каждый раз это как маленькая смерть и воскрешение.

Открываю ноутбук. Вкладка с сайтом реабилитационного центра «Новая жизнь» всё ещё открыта. Светлая, краси-

вая, с улыбающимися детьми. Я рассматриваю фотографии. Мальчик лет семи стоит в специальном вертикализаторе и улыбается. Девочка в бассейне, похожая на Дашу — такая же худенькая, с короткой стрижкой. Она держится за бортик и смеётся. Подпись под фото: «София, через 2 месяца после начала занятий начала садиться самостоятельно».

- Господи, - шепчу в пустоту. - Помоги нам. Пожалуйста.

Растираю лицо ладонями. Глаза горят. Надо было поспать, но я не могу. Когда я закрываю глаза, я вижу одно и то же: Даша в реанимации, под капельницами, с этим ужасным шумным дыханием, синева на губах. Поэтому я не сплю. Я пью кофе — уже четвёртую чашку — и разбираю документы.

На столе лежит лист, на котором я подсчитала все расходы. Итоговая сумма жирно обведена красным: 1 050 000 рублей. Курс интенсивной терапии — три месяца. Проживание и питание, которое тоже входит в сумму. И это если не считать дорогу. У меня на карте — ровно 380 тысяч. Треть от того, что нужно. И это с учётом того, что я буду работать удалённо и получать хотя бы часть зарплаты.

Где взять остальное?

Перечитываю список фондов. Восемь организаций. Восемь заявок, которые я отправила за последние два дня. Восемь «мы рассмотрим» и ни одного «да». Я знаю, что в благотворительных фондах всё долго. Знаю, что они перегружены. Но Даше медлить больше нельзя — это я усвоила после того приступа. Каждый день без реабилитации — это упу-

щенный шанс. Шанс, который может не вернуться.

Смотрю на телефон. На экране — диалог с Артёмом. Последнее сообщение, которое я ему отправила: «У Даши был приступ. Ей срочно нужна реабилитация. Стоимость один миллион рублей. Мне нужна помощь. Я одна не справлюсь». Он до сих пор так и не прочитал.

Что-то во мне закипает, а потом вдруг остывает, превращаясь в ледяное спокойствие. Я не могу ждать. Если Артём не поможет — я сделаю это сама: возьму кредит, продам всё, что можно продать. Но Даша поедет в центр.

Снова открываю сайт. Перечитываю описание методик. Интенсивная терапия, вертикализация в специальных аппаратах, занятия в бассейне, электростимуляция. Там есть всё. Всё, что может помочь дочери встать.

И тут во мне будто что-то щёлкает — я должна рискнуть. Мы не можем ждать полгода, пока благотворительные фонды решат нашу судьбу. У Даши есть шанс — и этот шанс здесь, в этом центре. Я не могу его упустить.

Набираю номер, который указан на сайте. Трубку берут почти сразу.

- Реабилитационный центр «Новая жизнь», здравствуйте!

- Здравствуйте! - мой голос дрожит, но я стараюсь говорить твёрдо. - Я хотела бы записаться на консультацию. Для моей дочери. Ей пять лет. Спинальная травма, последствия ДТП. Мы... мне сказали, что вы работаете с такими пациентами.

- Да, конечно. - Голос девушки звучит приятно, профессионально. — Мы специализируемся на реабилитации после спинальных травм. Освободилось окошко на завтра в 10:30, либо только через три недели. Когда вам будет удобно?

Если мы поедем завтра, это будет первый шаг. Самый важный.

- Завтра.

- Хорошо, тогда записываю вас. Подскажите, как зовут вашу дочь?

- Медведева Даша.

- Хорошо. На консультацию нужно будет привезти все медицинские документы: выписки, заключения, снимки МРТ. Также... - она замялась на секунду, - ...если есть заключение невролога.

- Да, есть. Я всё привезу.

- Вы должны понимать, что наши врачи тоже не всесильны. И именно после консультации смогут ответить возьмут ли вас на реабилитацию. Вам будет с кем оставить ребёнка, чтобы лишний раз не травмировать её?

- Да, конечно. Я что-нибудь придумаю.

Слышу, как она что-то печатает. А потом вдруг — голос за её спиной. Мужской. Глубокий, с лёгкой хрипотцой, и хотя он звучит раздражённо, в нём есть что-то приятное. Какое-то бархатное тепло. «Много будет новеньких в ближайшее время?»

Девушка отвечает: «Пока шесть человек, но сейчас запи-

сались на консультацию, так что, возможно, будет и семь».

«Ясно». Это короткое слово, прозвучавшее почти отрывисто, вдруг застревает в моей голове. Я представляю его — высокий, уставший, с тёмными кругами под глазами. Почему-то мне кажется, что он похож на человека, который несёт на себе тяжесть всего мира.

- Простите, - возвращается девушка к нашему разговору. - Я немного отвлеклась.

- Мне есть с кем оставить дочь. И я привезу все документы.

- Отлично. Тогда завтра в 10:30 утра мы вас ждём. У вас есть возможность оплатить консультацию? Она стоит 3000 рублей.

- Да, есть. - И это только начало. Но я не могу думать о деньгах. Надо просто делать шаг за шагом.

- Тогда до завтра. Приходите чуть пораньше, чтобы заполнить анкету. И... берегите себя. - Последние слова звучат не как формальность, а как искреннее пожелание. И от них становится чуть теплее на душе.

- Спасибо, - говорю и кладу трубку.

Завтра мы сделаем первый шаг. Я верю, что это поможет.

И в этот момент приходит сообщение от Артёма: «У меня нет таких денег. Я бы помог, если бы мог. Правда».

Меня словно ударили под дых. Я смотрю на эти буквы, и внутри всё закипает. Нет, конечно. Он не может. Потому что Владу надо. Потому что у него «нет». Потому что он не го-

тов. Потому что ему тяжело. А мне легко? Или, может, Даше легко?

Ничего не отвечаю. Не хочу тратить на него свои силы.

Захожу в комнату к дочери. Она спит, но её лицо беспокойное, брови сдвинуты, пальцы сжимают край одеяла. Ей снится что-то тревожное. Я сажусь рядом, беру её за руку.

- Дашенька, - шепчу. - Я поеду завтра в центр. Там хорошие специалисты. Они помогут тебе встать. Ты слышишь меня? Ты обязательно встанешь. Я обещаю.

Она вздыхает во сне, и пальцы разжимаются. Лицо становится спокойнее.

Я глажу её по голове. Волосы тонкие, почти как пушок. Затем выхожу из комнаты и снова смотрю на сайт. Только бы успеть. Только бы шанс не ускользнул.

Беру телефон и звоню подруге. Ира отвечает сразу — словно ждала.

- Наташ, ты как?

- Я записалась на консультацию в центр. Завтра в 10:30 утра. Можешь остаться с Дашей?

- Ох, Наташ... Это же отлично! - голос Иры звучит взволнованно. - Ты молодец. Конечно завтра я приеду, помогу.

- Спасибо, Ир. Ты — чудо.

- Я знаю, - смеётся она. - Ладно, давай, готовься. Завтра в 9 я у тебя.

Кладу трубку и смотрю в окно. За окном — ночь. Темнота. Только редкие огни в домах напротив. Но мне почему-то

кажется, что я вижу свет. Маленький, далёкий, но свет.

Поворачиваюсь к столу, беру телефон и пишу Артёму ещё одно сообщение: «Я всё равно это сделаю. С тобой или без тебя. Я не брошу её. А ты — трус. Это твой выбор. Но когда она встанет, а она обязательно встанет, ты будешь жалеть, что не был рядом».

Отправляю. Завтра новый день. Завтра мы начнём бороться по-настоящему.

Глава 7

Реабилитационный центр «Новая жизнь» оказался не просто большим — он был огромным. Въехала через кованые ворота, и сразу увидела ухоженную территорию: дорожки, выложенные плиткой, клумбы с хризантемами (в октябре они ещё цвели), несколько отдельных площадок. На одной — тренажёры под открытым небом, на другой — что-то вроде детского городка с пандусами и поручнями, на третьей — просто скамейки и деревья. По дорожкам гуляли люди: кто-то в колясках, кто-то с ходунками, кто-то с палками. Были и дети — маленькие, в разноцветных куртках, с сосредоточенными лицами. Я смотрела на них, и сердце сжималось: они были такими же, как Даша. И при этом они улыбались, двигались. Они жили здесь.

Остановила машину на парковке (Ира настояла, чтобы я взяла её седан, потому что на такси добираться было бы слишком дорого. Ведь реабилитационный центр находится на выезде из города) и выдохнула. В руках — папка с документами, которую я перекладывала раз десять, проверяя, всё ли на месте. Снимки МРТ, выписки, заключения, справки. И главное — надежда, такая хрупкая, что боялась дышать, чтобы не разбить.

Вошла в главный корпус. Там было светло, пахло не больницей, а кофе и деревом. Ресепшен — длинная стойка из

светлого дуба, за ней сидела девушка в белом халате, но с живой улыбкой. Она проверила мою запись, попросила заполнить анкету — обычные формальности: ФИО, диагноз, контакты.

- Подождите, пожалуйста, вас примет заведующая отделением, Анна Сергеевна. Она сейчас освободится. - Девушка указала на кресла в холле. - Можете присесть.

Я села, положила папку на колени и принялась рассматривать интерьер. В холле было много зелени — настоящие фикусы и монстеры в кадках, аквариум с золотыми рыбками, детский уголок с игрушками. На стенах — фотографии детей и взрослых с подписями: «После трёх месяцев», «Первый шаг», «Мы верим». Я вглядывалась в лица и пыталась представить, что когда-нибудь там будет и Даша. С её улыбкой. С её счастливыми глазами.

И вдруг я услышала голоса. Из коридора, который вёл к кабинетам, доносился разговор на повышенных тонах. Мужской — резкий, раздражённый, но в нём было что-то до боли знакомое. Нахмурилась, пытаясь вспомнить, где уже слышала этот тембр. Глубокий, с лёгкой хрипотцой. Он звучал как... тот самый голос, который я слышала в трубку, когда записывалась на консультацию.

Я встала и сделала несколько шагов к коридору. Голоса становились отчётливее.

- Я вам уже говорил, Анна Сергеевна. Если мы возьмём ещё одного пациента, у нас не останется ресурсов. Мне нуж-

ны нормальные условия для работы. - Голос звучал резко, почти грубо.

- Дмитрий Игоревич, я понимаю ваше возмущение, но это не моё решение. - Женский голос, спокойный, но с нотками усталости. - Нам выделили дополнительные часы, и я считаю, что мы обязаны их использовать.

- Вы считаете, - фыркнул мужчина. - А вы считали, сколько я уже работаю без выходных? Вы считали, что я тоже человек, а не машина для реабилитации? Мне обещали отпуск ещё полгода назад. Я два года не был в отпуске!

- Дмитрий Игоревич, прошу вас, не повышайте голос. У нас приёмные часы, родители с детьми в холле...

- Я знаю, что у нас приёмные часы! - рявкнул он, и я вздрогнула. - Но я тоже имею право на отдых! Я не могу работать, когда меня разрывают на части! Я устал!

Замерла от услышанного. Слова ударили меня, как пощёчина. Он не мог работать. А как же Даша? И все эти дети в холле, которые ждут своего шанса? Сжала папку так сильно, что побелели костяшки.

И в этот момент дверь кабинета резко распахнулась. Я оказалась слишком близко — дверь чуть не ударила меня по лицу. Отшатнулась и едва не упала, но инстинктивно выставила руку, чтобы удержаться.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в белом медицинском халате, накинутом поверх тёмного свитера. У него были тёмные, взлохмаченные волосы, резкие

черты лица, уставшие глаза с тёмными кругами. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде было раздражение, смешанное с удивлением. Он окинул меня быстрым взглядом — с головы до ног, будто оценивая, — и на мгновение его взгляд задержался на моём лице дольше, чем того требовала ситуация. Даже почувствовала, как внутри меня всё сжалось от неловкости и злости.

Но он ничего не сказал. Молча обошёл меня и быстро зашагал по коридору, даже не обернувшись. Я проводила его взглядом и только тогда заметила, что в руках у меня нет папки. Оказывается, выронила её, когда отшатнулась. Она лежала на полу у самых дверей кабинета.

Нагнулась, чтобы поднять её и, немного помедлив, постучала в дверь.

- Войдите, - раздался голос заведующей.

Анна Сергеевна сидела за столом и растирала виски. Увидев меня, она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла усталой.

- Простите, Наталья, - сказала она, жестом приглашая меня сесть. - Вы, наверное, слышали наш разговор.

Я кивнула, садясь на стул напротив.

- Не обращайте внимания, - вздохнула она. - Дмитрий Игоревич — наш лучший специалист. Но он правда работает без выходных уже два года. Отпуск ему обещают, а потом приходит новый тяжёлый пациент, и он остаётся. Такие специалисты — на вес золота. Их сложно найти, потому что

многие просто не выдерживают такого графика. А он держится.

- Я понимаю, - сказала я тихо. - Усталость — она страшная.

- Вы правы, - кивнула Анна Сергеевна. - Давайте посмотрим, что у вас.

Я положила папку на стол и разжала пальцы. Она аккуратно достала документы, начала изучать. Я наблюдала, как она водит пальцем по строкам выписок, как хмурится, рассматривая снимки МРТ на свет.

- Снимки хорошего качества, - сказала она наконец. - Гематому удалили вовремя, это большой плюс. Но отёк спал не до конца. Вот здесь, - она показала на затемнённый участок, - ещё остаточные явления. Это может давать давление на нервные окончания. Нам нужно сделать дополнительное обследование. С контрастом. Чтобы точно понять, что именно мы имеем дело, ушёл ли отёк полностью и какие зоны остались затронутыми.

Я кивнула, запоминая каждое слово.

- Мы проведём все необходимые исследования прямо у нас, в центре. У нас есть своя диагностическая база, - продолжала она. - Это займёт два-три дня. И только после этого мы сможем составить окончательную программу реабилитации.

Я слушала и чувствовала, как внутри меня разрастается надежда. Слова заведующей звучали уверенно, профессио-

нально. Она знала, о чём говорит.

- Сколько это будет стоить? - спросила я, и голос мой дрогнул.

Анна Сергеевна вздохнула, но смотрела на меня без осуждения.

- Полный курс реабилитации — три месяца. Со всеми процедурами, проживанием и питанием, - она назвала сумму, и у меня перехватило дыхание. - Но, - добавила она, заметив мою реакцию, - вы можете оплачивать поэтапно. Частями. Мы идём навстречу родителям. Главное — чтобы лечение не прерывалось. Вы можете вносить плату помесячно. Конечная стоимость будет зависеть от того, какой объём процедур потребуется после диагностики. Мы составим договор, и вы будете платить по графику.

Я выдохнула. Это был не приговор. Это был шанс.

- Спасибо. Это... это очень поможет.

Анна Сергеевна кивнула и посмотрела в свой календарь.

- Теперь по датам. Ближайшее окно для заезда — через неделю. Всё расписано до минуты, но я могу вас втиснуть, если вы готовы. Или мы можем перенести на две недели — будет чуть больше времени на подготовку, сбор анализов. Как вам удобнее?

Я сглотнула. Через неделю — это почти сразу. Это страшно. Это значит, что мы не успеем подготовиться морально. Но если я буду ждать две недели, я не прощу себе потерянное время.

- Через неделю, - сказала я. - Если можно.

- Можно, - улыбнулась Анна Сергеевна. - Мы всё организуем. Привозите дочку, документы, и начинаем. На первое время мы поселим вас в отдельной палате, чтобы Даша адаптировалась.

- Спасибо, - повторила я, уже не в силах сказать что-то ещё.

Анна Сергеевна протянула мне визитку с датами и контактами.

- Я вам позвоню за два дня до заезда, чтобы подтвердить. Если появятся вопросы — звоните в любое время. И ещё, вам понадобится помощь, чтобы сюда добраться с дочкой? Мы можем прислать за вами машину.

- Это было бы очень кстати.

- Хорошо. Тогда ожидайте звонка.

Спрятала визитку в карман, поднялась и вышла из кабинета. Дверь за мной закрылась мягко, и я остановилась в коридоре, прижимая папку к груди. В голове крутились даты, цифры, названия. Мы начнём через неделю.

Я улыбнулась — впервые за долгое время искренне. В груди разрасталось что-то тёплое, похожее на надежду. Сделала шаг к выходу и в конце коридора снова увидела его.

Он стоял у окна, вполоборота ко мне, и смотрел на улицу. Белый халат был расстёгнут, руки скрещены на груди. Выглядел уставшим — тени под глазами, опущенные плечи — но в его фигуре чувствовалась какая-то внутренняя собран-

ность.

Я замерла на мгновение. И в этот момент он, будто почувствовав мой взгляд, обернулся.

Тогда наши глаза встретились.

Он смотрел на меня несколько секунд — я не могла понять, что было в его взгляде. Усталость? Любопытство? Он окинул меня быстрым взглядом, но ничего не сказал. Просто отвернулся к окну, дав мне понять, что разговор не продолжится.

Отвела глаза и пошла к выходу быстрее, чем хотела. Шаги отдавались эхом в пустом коридоре.

Уже на улице, когда холодный октябрьский воздух обжёг лицо, я выдохнула. Внутри меня было тепло — впервые за долгие недели. Я села в машину, завела двигатель и посмотрела на здание реабилитационного центра. Оно казалось мне теперь не просто большим и светлым — оно казалось мне местом, где начинается новая жизнь.

Глава 8

Утро начинается с гудящего ноутбука и чашки остывшего кофе, который я так и не допила. Пальцы летают по клавиатуре, добивая последние цифры в отчёте. На часах — половина девятого, а Ира обещала быть через полчаса. Я должна успеть всё доделать.

- Мам, - слышится из комнаты Дашин голос, хриплый со сна, но уже не такой пустой, как раньше, - а тётя Ира скоро придёт?

- Скоро, зайка, - отвечаю, не отрываясь от экрана. - Обещала быть к девяти.

- Она принесёт мне что-нибудь?

На моём лице расцветает улыбка, хотя она меня не видит. Вот оно — возвращение желаний. Пусть пока только к тёте Ире и её гостинцам, но это уже что-то.

- Я не знаю, родная. Но ты же знаешь тётю Иру — она без сюрпризов не приходит.

Нажимаю «отправить» и выдыхаю, откидываясь на спинку стула. Сделано. Ещё одна маленькая победа в этом бесконечном марафоне.

- Даш, - зову, вставая и потягиваясь, - давай сделаем упражнения, пока у нас есть время?

- А можно потом? - её голос звучит капризно, но в нём слышится живое, детское «не хочу», а не то страшное «ни-

чего не хочу», что было ранее.

- Нельзя, - мягко настаиваю, входя в комнату.

- Ясно, - вздыхает она, но я вижу, как в глазах мелькает понимание. Дочка не спорит. Это уже победа.

Мы делаем дыхательную гимнастику — глубокий вдох, медленный выдох. Даша старается, хотя я вижу, как напрягаются её плечи. Потом упражнения для рук — сжимаем, разжимаем, поднимаем, опускаем. Она выполняет всё механически, но выполняет. И для меня это — целый мир.

- Молодец, зайка, - говорю, заканчивая, - ты просто умница.

Затем проверяю состояние кожи и приступаем к вопросам гигиены.

Звонок в дверь раздаётся, когда я заканчиваю расчёсывать её волосы.

- Тётя Ира! - Даша оживляется, и это так похоже на ту, прежнюю, что у меня сердце замирает.

- Открою? - спрашиваю я, подмигивая, и дочь кивает с такой жадностью, что я едва сдерживаю улыбку.

- Наташка, ты готова? - Ира влетает в прихожую, скидывая куртку. - Ой, Боже, ты ещё в пижаме?

- Всё успею, - говорю я спокойно. - Я всё собрала. Документы проверила три раза. Даже чеки — те, что смогла найти. На всякий случай.

- Давай-давай, - она подталкивает меня к спальне. - Я пока займу Дашку. У меня тут, - она загадочно улыбается и до-

стаёт из сумки какую-то коробку, - есть кое-что.

- Что это? - Даша спрашивает из любопытства, пытаясь разглядеть.

- Это сюрприз, - подмигивает Ира. - Будет, когда мама уйдёт. А пока — иди, собирайся, - последнее уже мне.

Я возвращаюсь в комнату, слыша за спиной смех дочери — первый настоящий смех за последнее время. И у меня на глаза наворачиваются слёзы. Я быстро их смахиваю. Нельзя плакать, когда Даша только начинает возвращаться к жизни.

«Мама не плачет», - говорю я себе как мантру. - «Мама сильная. Мама всё выдержит».

Быстро одеваюсь. Юбка, блузка, пиджак. Смотрю в зеркало — бледная, с тёмными кругами под глазами, но по крайней мере выгляжу прилично. Для суда — прилично. Для себя — хотя бы не распадаюсь на части.

Снова проверяю документы: свидетельство о браке, копии паспортов, справки, распечатки банковских переводов, чеки на лекарства, на коляску, на кровать. Всё, что может хоть как-то увеличить мои шансы.

- Готова? - Ира появляется в дверях. Она держит в руках конверт. Плотный, не слишком толстый, но я вижу, как она нервно его сжимает.

- Да, - говорю и чувствую, как голос дрожит. - Надеюсь, что ничего не забыла.

- Ты молодец, что вообще всё это собрала, - Ира подходит ближе и кладёт руку мне на плечо. - Послушай, я хотела тебе

кое-что отдать. - Она протягивает мне конверт. - Возьми.

- Что это? - я смотрю на конверт, не решаясь взять.

- Это на лечение. - Ира говорит это таким тоном, будто речь идёт о буханке хлеба, а не о деньгах. - Я хотела уехать на новогодние праздники, но… - она пожимает плечами, - Даше важнее. Мы с Серёжей решили, что каникулы подождут.

- Ира, - я чувствую, как ком подступает к горлу, - я не могу…

- Можешь, - перебивает она твёрдо. - Ты непросто должна, а обязана. Возьми. Это не подарок, это инвестиция, - она улыбается, пытаясь разрядить обстановку. - Когда Дашка встанет, мы все вместе пойдём на каток. Она на коньках, я на коньках, ты на коньках, Серёжа будет нас фотографировать. А потом — с горок кататься. У нас будут такие новогодние каникулы, что весь город позавидует.

- Я согласна! - донеслось из комнаты. Даша, оказывается, слышала наш разговор и теперь кричала оттуда, радостно и звонко. - Я хочу на каток!

Ира победоносно улыбнулась. А я не могла сдержать слёз. Они текли по щекам, и я даже не пыталась их вытирать.

- Ты… ты просто не представляешь, - начала я, но она меня перебила.

- Представляю, - сказала она тихо. - Поэтому бери и иди. Мы справимся, Наташ.

Я взяла конверт. Он был тёплым от её рук. И внутри меня что-то перевернулось. Не от суммы — я ещё не знала, сколь-

ко там, — а от того, что кто-то готов отказаться от своих планов, от своего отдыха, от всего, ради моей дочери.

Убрала конверт на верхнюю полку в гардеробной. Ещё раз проверила документы, ключи, телефон, кошелёк – всё на месте.

- Даша, я ушла, - крикнула я в комнату. - Буду через пару часов.

- Хорошо, мам, - её голос звучал почти беззаботно. - Я буду с тётей Ирой рисовать. Она принесла новую раскраску.

Ира вышла проводить меня до двери.

- Ты справишься, - сказала она уже тише. - И помни: если что — звони. В любое время.

- Спасибо, - ответила я и вышла за дверь.

Дорога до суда заняла сорок минут. Я ехала на такси, хоть Ира и настаивала на том, чтобы я вновь взяла её «ласточку», но я немного переживаю и садиться за руль в таком состоянии просто опасно. В голове крутилась одна мысль: «Я иду в суд, чтобы официально прекратить то, что когда-то казалось вечным».

Телефон завибрировал в сумочке. Я не хотела проверять сейчас, но через минуту он снова завибрировал, и ещё через минуту. В конце концов я не выдержала и глянула на экран в ожидании пробки.

Уведомление из банка. «Поступление на счёт: 150 000 рублей. Отправитель: ООО «ТрансСервис». Комментарий: материальная помощь от коллектива».

Я не поверила своим глазам. Нет. Это какая-то ошибка. Открыла приложение банка – средства действительно поступили. А за ним открыла пришедшее сообщение от руководителя отдела: «Наташа, мы с коллегами хотели помочь. Каждый скинулся сколько мог. Начальство решило выдать тебе 13-ю зарплату в октябре. Мы знаем, как тебе сейчас трудно. Держись. Мы с тобой».

Я сидела и смотрела на экран с минуту. Может, две. Слёзы текли по щекам — теперь они были не от боли, не от страха. Они были от благодарности. От того, что я не одна. Что есть люди, которым не всё равно.

Написала короткое сообщение руководителю: «Я не знаю, что сказать. Это невероятно. Спасибо вам всем. От всего сердца. Я никогда этого не забуду».

Отправила. И ещё раз перечитала уведомление. 150 тысяч – это был огромный шаг, возможность дышать чуть свободнее. Я улыбнулась. Впервые за долгое время — широко и искренне. И поехала дальше.

Здание суда было серым и безликим, как и все казённые учреждения. Я зашла внутрь, прошла через рамку металлоискателя и поднялась на второй этаж, где меня уже ждал адвокат.

- Наталья Сергеевна, - он протянул мне руку, - вы вовремя. Всё готово?

- Да, - я протянула ему папку с документами. - Здесь всё, что я смогла собрать. Выписки, чеки, справки.

Адвокат раскрыл папку, быстро просмотрел документы, хмурясь.

- Что касаемо квартиры — шансов мало. И вы должны это понимать, - сказал он прямо, и я почувствовала, как внутри меня что-то обрывается. - Но они есть. И справка с места работы тому подтверждение. Важно, что вы собрали все доказательства того, что ваш почти «бывший» муж уклоняется от финансовых обязательств. Чеки на лекарства, на коляску, на кровать — это хорошо. Но помните: суд не всегда на стороне матери. Особенно если отец заявляет о желании участвовать в жизни ребёнка. Если он скажет, что у него были объективные причины не появляться…

- Какие причины? - мой голос дрогнул. - Какие объективные причины могут быть у отца, дочь которого лежит парализованная?

Адвокат вздохнул и положил документы обратно в папку.

- Я знаю, это несправедливо. И я сделаю всё, что от меня зависит. Но вы должны быть готовы к тому, что решение суда может быть не в вашу пользу.

- Я готова, - сказала уверенно, насколько это было возможно. - Но я всё равно буду бороться.

В коридоре адвокат встретил коллегу — пожилого мужчину в очках, с которым они обменялись короткими фразами о деле, которое будет слушаться через час. Что-то о разделе бизнеса.

- Мне нужно отойти, - сказал адвокат. - Встретимся в зале.

У вас есть время до начала слушания — минут двадцать. Можете подождать здесь или спуститься в буфет.

Я кивнула и села на скамейку в коридоре. Внутри меня всё дрожало. Руки тряслись, и я сжала их в кулаки, пытаясь успокоиться. И в этот момент почувствовала чьё-то присутствие. Тень на полу — кто-то подошёл сзади и остановился прямо за моей спиной.

Обернулась и увидела перед собой любовницу Артёма. Я не видела её со дня аварии, но теперь она стояла здесь, передо мной, и смотрела на меня.

- Нам надо поговорить, - проговорила она.

Глава 9.

Смотрю на неё и чувствую, как внутри меня закипает что-то тёмное и тягучее. Она стоит передо мной в этом сером судебном коридоре, и на её лице написано такое... сочувствие? Или, может быть, превосходство? Я не могу разобрать. Она выглядит, как обычно — с этой своей вечной улыбкой, которая никогда не касается глаз.

- Наташа, - говорит мягко, и это обращение режет слух. - Я понимаю, что тебе сейчас тяжело, но нам надо поговорить.

Я молчу. Просто смотрю на неё и считаю про себя до десяти. Не получается. Сбиваюсь на трёх.

- Наташа, ты должна понять, - продолжает она, и голос её становится ещё тише, почти доверительным, - Артёму сейчас очень тяжело. Очень. Ты даже не представляешь, что он переживает. Он хочет помочь, правда хочет, но...

- Но что? - голос мой звучит ровно, но я чувствую, как дрожат пальцы. - Он не может? Или не готов? Ему тяжело смотреть на собственную дочь?

- Это не так просто, - она делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю. - Ты не видишь его по ночам, не знаешь, как он мучается. Ему нужна поддержка...

- А вот теперь слушай меня, - я поднимаю руку, жестом останавливая её. Резко, грубо, так, что она замирает на полуслове. - Ты сейчас закроешь свой рот, потому что я не на-

мерена выслушивать этот бред. Мне плевать на ваши отношения. Мне плевать на то, как он мучается по ночам. Мне плевать на его чувства, и уж тем более твои. Ты поняла?

Её глаза расширяются. Она явно не ожидала такой реакции.

- Наташ, пойми, я хочу помочь...

- Помочь? - я усмехаюсь, и эта усмешка выходит горькой, почти злой. - Ты хочешь помочь мне или ему? Или, может быть, себе? Знаешь, что я вижу, когда на тебя смотрю? Я вижу женщину, которая боится, что её любимого мужчину заставят платить за собственную дочь. Ты боишься, что деньги уйдут на реабилитацию Даши, а не на тебя и твоего сына. Поэтому ты здесь. Поэтому ты пришла говорить мне о его «тяжёлых чувствах».

- Это неправда, - она качает головой, но я вижу, как дёргается её нижняя губа. - Я просто хочу, чтобы вы оба нашли общий язык...

- Прекрати, - голос мой звучит резко, и несколько человек в коридоре оборачиваются. - Ты не имеешь права говорить мне о том, как я должна вести себя с мужем, который исчез, когда его дочь лежала в больнице. Который не взял трубку, когда я звонила. Который даже не хочет приходить к ней, потому что ему «тяжело». Но моей дочери тяжелее. Ей всего пять лет. Это она лежит и не чувствует своих ног, и не знает, встанет ли когда-нибудь. Ей не всё равно, понятно? А мне наплевать, что там чувствует твой Артём.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я не даю ей этого сделать.

- Если уж, будучи в браке со мной, он смог найти деньги на лечение твоего сына, то для своей дочери он тоже найдёт. Слышишь? Какой ценой — меня не волнует. Даже если ему придётся продать свою квартиру, даже если ему придётся влезть в долги, я плевать на это хотела. Я хочу, чтобы моя дочь встала на ноги. Единственное, что меня волнует, — это она. И я не позволю тебе или ему встать у нас на пути. А теперь уйди с глаз моих.

Карина бледнеет. Она открывает рот, хочет что-то сказать, но не находит слов. Просто стоит и смотрит на меня, и я вижу в её глазах смесь злости и растерянности.

- Наташа, ты себя не контролируешь, - наконец говорит она.

- Иди к Артёму, - отвечаю я. - Может, он тебя пожалеет. Мне не до тебя.

Она разворачивается и уходит. Быстро, почти бегом. Я смотрю ей в спину и чувствую, как внутри меня всё дрожит. Злость, боль, усталость — всё смешивается в один ком, который застревает в горле.

Прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Вдох. Выдох. Я справлюсь.

- Наталья Сергеевна, - слышу голос адвоката.

Открываю глаза. Он стоит рядом, и на его лице — лёгкая обеспокоенность.

- Всё в порядке? Кто это был?

- Любовница моего мужа, - говорю я достаточно громко, и несколько человек в коридоре поворачивают головы.

- Она может помочь нам?

- Вряд ли, - усмехаюсь я. - Скорее, помешать.

- И чего она хочет?

- Перехочет! - Я качаю головой и резко поворачиваюсь к адвокату. - Слушайте, она получила то, что заслужила. А я получила порцию адреналина на весь оставшийся день. Можем мы уже пойти в зал, если это возможно? Я хочу покончить с этим. Чем быстрее, тем лучше.

- Сейчас начнём, - кивает адвокат. - Я всё подготовил.

Мы проходим в зал. Там тихо. Почти неестественно тихо. Сажусь на своё место и стараюсь не думать о том, что сейчас произойдёт. Мои глаза обводят помещение. Обычный зал суда: деревянные панели, несколько рядов скамеек, стол судьи, флаг. И лица. Много лиц. Я замечаю их почти сразу. Родители Артёма сидят на скамьях с другой стороны. Его мать — женщина с нечитаемым лицом, всегда такая аккуратная, с идеальной причёской и строгим костюмом. Она смотрит на меня, и в её взгляде — пустота. Его отец сидит рядом, и его лицо каменное, как будто он уже всё решил для себя. Мне становится немного не по себе. Я даже не подумала позвать своих родителей. Они бы приехали, я знаю. Мама бы плакала, папа бы злился, но они бы пришли. А я не позвонила. Потому что если бы они увидели меня здесь, в

этом суде, они бы поняли, как всё плохо. А я не хочу, чтобы они знали, как всё плохо. Я хочу, чтобы они думали, что я справляюсь. Даже если это не так.

Судья появляется. Женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой, строгим взглядом и голосом, не терпящим возражений.

- Прошу встать. Слушается дело о расторжении брака, разделе имущества, взыскании алиментов и возмещении расходов на лечение несовершеннолетнего ребёнка.

Я встаю. Руки трясутся, но я сжимаю их в кулаки. Вдох-выдох.

- Истец, - судья смотрит на меня, - обоснуйте ваши требования.

Адвокат кивает мне, и я начинаю говорить. Голос дрожит, но я стараюсь говорить чётко.

- Я прошу расторгнуть наш брак и оставить мою дочь со мной. С самого начала, с момента ДТП и госпитализации Даши, я была рядом с ней. Артём не участвовал в её лечении, не помогал финансово, не посещал её в больнице. Он пропал на две недели, а когда появился, признался, что не готов... не готов видеть дочь в таком состоянии. Он не может обеспечить ей должный уход и реабилитацию. Поэтому я считаю, что Даша должна остаться со мной.

Я смотрю на Артёма. Он сидит на скамье, опустив голову. Карина рядом с ним — взяла его за руку, будто пытается поддержать. Я отворачиваюсь.

- Артём Романович, - судья переводит взгляд на него, - ваше мнение. Вы согласны с истцом?

- Я... - он поднимает голову, - я не против того, чтобы Даша осталась с матерью. Я согласен.

Судья кивает и продолжает задавать вопросы. Я отвечаю на них — про лечение, про расходы, про то, что Артём не помогал. Когда судья спрашивает, почему я подала на раздел имущества, я собираюсь с духом. В груди холод и жар одновременно.

- Потому что моей дочери нужна реабилитация. Срочно. Я не могу ждать, пока соберутся деньги. Я не могу позволить себе оплатить всё сама, а он не помогает. Квартира — это единственное, что у нас есть. И если есть хоть какой-то шанс получить компенсацию — я должна попытаться. Я не хочу этого делать. Но выбора у меня нет.

- Это моя квартира, - Артём внезапно поднимается. - Она была куплена до брака. Я имею право...

- Садитесь, - судья перебивает его. - Будете говорить, когда вам предоставят слово.

Он садится, и я вижу, как его лицо краснеет от злости. Карина сжимает его руку, шепчет что-то успокаивающее.

Мой адвокат встаёт и спокойно произносит.

- Ваша честь, прошу учесть, что квартира действительно была приобретена до брака, но ремонт, мебель и техника покупались уже в браке, в том числе на средства Натальи Сергеевны. Она работала всё это время, вкладывала деньги в об-

щее жильё. Поэтому она имеет право на часть имущества или хотя бы на денежную компенсацию. Кроме того, в браке Артём Михайлович тратил значительные суммы на лечение своего внебрачного сына. Эти траты, по сути, были совершены за счёт семейного бюджета, которым он распоряжался единолично. Это также должно быть учтено при принятии решения.

В зале становится тихо. Артём смотрит на адвоката, и я вижу, как его лицо бледнеет. На губах застывает тихая, но злая усмешка.

Судья продолжает задавать вопросы. Я отвечаю на автомате. Голос звучит ровно, но внутри меня всё болит. Смотрю на Артёма, на его родителей, на Карину, и чувствую, как злость сменяется усталостью. Я не хочу быть здесь, не хочу бороться. Я хочу просто быть с дочерью.

Замечаю, как Артём злится. Он сжимает зубы, его пальцы с силой сжимают край скамьи, Карина нервно перебирает край своей блузки, они переглядываются. Отец Артёма сидит с каменным лицом, сжав челюсть так сильно, что желваки заходили ходуном. Я не понимаю такой реакции. Мы же не отбираем у него всё. Мы просим то, что принадлежит моей дочери по праву. А они ведут себя так, будто их грабят.

Когда судья начинает читать постановление, в зале повисает тишина. Я слышу только своё сердце — оно бьётся где-то в горле.

- Суд постановил, - голос судьи звучит ровно, - брак меж-

ду Медведевой Нательей Сергеевной и Медведевым Артёмом Романовичем считать расторгнутым, и оставить несовершеннолетнего ребёнка с матерью. Взыскать с Артёма Романовича алименты в твёрдой денежной сумме в размере 50 000 рублей ежемесячно. Взыскать половину уже потраченных средств на лечение дочери. Обязать выплатить компенсацию за долю в совместно нажитом имуществе, в размере одной трети от её рыночной стоимости. - Она поднимает глаза. - Решение может быть обжаловано в установленном порядке. Всё понятно?

Я слышу, как Артём выдыхает, его мать что-то шепчет, и её голос дрожит. Я смотрю на них — они в шоке. Карина побледнела, её руки трясутся. Артём сидит, уставившись в одну точку, и я вижу, как его лицо покрывается красными пятнами. Ему кажется, что мир рушится. Но у меня внутри нет радости. Только пустота.

Я выиграла суд. Но какое-то странное, горькое чувство оседает где-то в груди, не позволяя вдохнуть полной грудью. Смотрю на адвоката, который улыбается и говорит что-то обнадёживающее, но я слышу его слова, как сквозь вату.

- Это победа, Наталья Сергеевна, - говорит он. - Теперь у вас есть финансовая база для лечения дочери.

- Да, - отвечаю я, но голос звучит так, будто говорит кто-то другой. - Спасибо вам.

Беру свои документы, встаю и выхожу из зала. Не смотрю на Артёма, его родителей. Просто выхожу.

На улице холодно. Я сажусь в такси и до самого дома смотрю в окно. За окном — серое октябрьское небо. Холодно. Но внутри — ещё холоднее.

Глава 10

Такси останавливается у подъезда, и некоторое время просто сижу, глядя на знакомую дверь. Руки всё ещё дрожат после суда. В голове — каша из голосов, цифр, взглядов. Особенно тот взгляд матери Артёма. Пустой, холодный, как будто я не человек, а препятствие. Ну и чёрт с ними. Я сделала то, что должна была.

Расплачиваюсь с водителем, выхожу из машины и чувствую, как холодный ветер обжигает щёки. Хорошо. Пусть обжигает. Пусть напоминает, что я жива.

Поднимаюсь на свой этаж. Замок щёлкает знакомо, тихо. Толкаю дверь, ожидая поскорее увидеть Дашу. И замираю на пороге. В прихожей — Ира, улыбается во весь рот, но рядом с ней...

- Мама? - вырывается у меня. - Папа?

Они стоят в прихожей. Мама — в своём любимом пальто, которое носит уже пару лет, хотя в квартире тепло. Папа — в своей дутой куртке, которая всегда казалась мне слишком большой для его худых плеч. Он смотрит на меня, и в его глазах — тревога. А мама уже идёт ко мне, раскинув руки.

- Наташенька!

Она обнимает меня, и я чувствую запах её духов. И внутри меня что-то ломается. Я сдерживалась весь этот проклятый день, была сильной, собранной, холодной. А сейчас, в мами-

ных объятиях, я чувствую, как защита рушится, как слёзы подступают к горлу.

- Мам, - шепчу я, - вы чего... как вы...

- А ты думала, мы не узнаем? - голос мамы звучит мягко, но я чувствую в нём укор. - Ира нам позвонила. Сказала, что у тебя суд. Что ты одна поехала. Наташа, ну как же так?

- Я не хотела вас волновать, - выдыхаю я, отстраняясь и вытирая глаза. - Я думала, что справлюсь сама, что так будет лучше.

- Лучше? - папа подходит ближе. Он не обнимает меня, просто кладёт руку на плечо и смотрит в глаза. - Дочь, ты одна с ребёнком, у тебя суд, ты не спишь, не ешь, работаешь на износ. И ты думаешь, что не волновать нас — это лучше?

- Пап, я...

- Мы всё знаем, - перебивает он. - Ира нам рассказала. Про Дашу, про больницу, про этого... про Артёма. - Он произносит имя зятя так, будто оно горькое на вкус.

Я смотрю на подругу. Она стоит в стороне, виновато улыбается и разводит руками.

- Прости, Наташ, - говорит она. - Я не могла молчать... ну, они должны знать. Они же твои родители.

- И правильно сделала, - твёрдо говорит мама. - Ирина, спасибо тебе. Ты настоящий друг.

- Да ладно, - отмахивается она. - Я пойду, наверное, пока вы тут разбираетесь. - подруга подходит ко мне, чмокает в щёку. - Держись, Наташ. Созвонимся позже.

Я провожаю её и возвращаюсь в прихожую. Мама уже сняла пальто и направляется на кухню. Папа заглядывает в комнату Даши, и я слышу, как дочка радостно вскрикивает.

- Дедушка! Ты приехал! А ты принёс мне конфеты?

- А как же, - папин голос становится мягче, теплее, - я и без конфет? У меня тут целый пакет. Но сначала расскажи, как ты тут?

Я улыбаюсь и иду на кухню, где мама уже разливает горячий чай.

- Рассказывай, - говорит она, садясь за стол. - Всё. С самого начала. Не утаивай.

Я сажусь напротив, обхватываю кружку с горячим чаем, и слова начинают литься сами. Сначала медленно, потом быстрее.

- Мам, я не знаю, как мы выжили эти недели. Когда Дашу привезли из больницы, я думала, что сойду с ума. Она не говорила, не хотела есть, не хотела жить. Она спрашивала меня, зачем она теперь нужна, если не может ходить. А я... я не знала, что ей ответить. Просто сидела рядом и врала, что всё будет хорошо. Хотя сама в это не верила.

Мама молчит, но я вижу, как дрожат её пальцы, сжимающие кружку.

- Ира помогала. Если бы не она, я бы не справилась. Она привезла кровать, коляску, даже список врачей подготовила. Ирина даже деньги, что копила на отпуск, принесла для Даши. - Голос у меня срывается, но я продолжаю. - А Артём...

он просто исчез. Две недели молчания, а потом пришёл, посмотрел на неё, сказал, что не готов, и ушёл.

- Мерзавец, - тихо говорит мама.

Я закрываю глаза, и в голове всплывает картина суда. Его пассия. Её попытки говорить со мной о чувствах Артёма.

- Сегодня, - говорю, открывая глаза, - она пришла ко мне в суде. Его любовница. Сказала, что мы должны поговорить. Что Артёму тяжело. Что он мучается. Представляешь, мама? Она пришла просить меня пожалеть его.

Мама качает головой.

- И что ты ей сказала?

- Всё, что думала, - усмехаюсь я. - Сказала, что мне плевать на его чувства. Что если он нашёл деньги на лечение её сына, то для своей дочери тоже найдёт. Почему я должна его жалеть? Или входить в его положение? Мне всё равно. Я хочу, чтобы Даша встала на ноги.

- Правильно сделала, - голос мамы звучит твёрдо. - Ты — молодец, что не сдалась.

Смотрю на неё, и слёзы снова подступают к глазам, но я не плачу. Я не могу плакать сейчас.

- А его родители, - продолжает она, - они тоже были там?

- Да. Сидели на скамье с другой стороны. Смотрели на меня, как на врага. Особенно его мать. Ты знаешь, я всегда думала, что она меня недолюбливает. А сегодня она смотрела на меня так, будто я отбираю у них последнее. Будто я — злодейка в этой истории. Хотя именно их сын сбежал от

больной дочери. Именно он не дал ни копейки на её лечение. Но для них я — та, кто разрушила семью.

- Им просто стыдно, - говорит мама. - Они знают, что их сын поступил неправильно. Но признать это — значит признать, что они вырастили такого человека. Поэтому они злятся на тебя. Намного проще ненавидеть тебя, чем смотреть правде в глаза.

Я выдыхаю. Это помогает. Слова мамы — как бальзам на рану. Она всегда умела находить правильные слова.

- А что суд? - спрашивает она. - Чем всё закончилось-то?

Я рассказываю про алименты, про компенсацию, и про квартиру. Мама слушает внимательно, иногда качает головой.

- Это хорошо, - говорит она, когда я заканчиваю. - У тебя будет хоть какая-то финансовая подушка. Мы с папой тоже приготовили, и не спорь. Кому нам ещё помогать, если не вам?

- Ой, мама... надеюсь, что реабилитация ей поможет.

- Конечно поможет, - твёрдо говорит мама. - Она у нас сильная. И ты тоже.

Поднимаю глаза на маму и вижу, что она плачет. Тихо, почти беззвучно. По её щекам текут слёзы, и она даже не пытается их вытереть.

- Мам, не плачь, - прошу я. - Всё будет хорошо.

- Я знаю, - говорит она. - Просто... я так за тебя переживаю, Наташ. Ты всегда была такой самостоятельной. Всегда

пыталась справиться одна. А я... я твоя мама. Мне больно видеть, как ты страдаешь. Мне больно знать, что ты не позвонила нам. Что ты не захотела, чтобы мы были с тобой рядом.

Сглатываю ком в горле и протягиваю руку, накрывая её ладонь своей.

- Я не хотела вас грузить вас своими проблемами. Вам тоже нелегко.

- Нам тяжело? - мама смотрит на меня с укором. - Наташа, мы твои родители. Мы всегда будем рядом. Даже если нам придётся ехать через всю страну, даже если мы будем старыми и больными, мы будем рядом. Потому что ты — наша дочь. И Даша — наша внучка. Мы же любим вас.

Чувствую, как слёзы снова подступают к горлу, и на этот раз я не сдерживаюсь, а плачу громко, взахлёб, как ребёнок. Мама встаёт, обходит стол и обнимает меня. Утыкаюсь лицом в её плечо и чувствую, как её руки гладят меня по голове.

- Я так устала, мам, - говорю между всхлипами. - Так устала быть сильной. Я хочу, чтобы кто-то обнял меня, чтобы кто-то сказал, что всё будет хорошо. Чтобы кто-то взял на себя часть этой ноши.

- Я возьму, - говорит мама. - Мы же семья.

Сидим с ней так несколько минут. Я плачу, а мама гладит меня по голове. И мне становится легче. Не намного, но достаточно, чтобы почувствовать, что я не одна.

Наконец, я отстраняюсь, вытираю лицо и улыбаюсь.

- Прости, - говорю тихо. - Я не хотела...

- Не извиняйся, - перебивает мама. - Иногда нужно плакать. Это помогает.

В этот момент из комнаты Даши доносится смех. Папа что-то рассказывает, и дочка хохочет. Я смотрю в сторону двери и улыбаюсь.

- Она снова смеётся. Мам, ты не представляешь, как я боялась, что больше никогда не услышу этого смеха.

- Она поправится, - твёрдо говорит мама. - Я верю в это.

И вдруг — звонок в дверь.

Я вздрагиваю. Кто это? Ира вернулась? Или соседка? Или Артём... нет. Не может быть.

- Я открою, - говорю я и встаю.

Иду к двери медленно, чувствуя, как внутри меня всё сжимается. Смотрю в глазок и вижу...

Отец Артёма – Роман Дмитриевич стоит на площадке, и лицо его каменное, как и в суде.

Я замираю, а рука застывает на ручке. Что ему нужно?

Глава 11

Внутри всё сжалось в тугой комок. Отец Артёма здесь. После того, как я видела его каменное лицо, его сжатые челюсти, его холодный взгляд. Что ему нужно? Зачем он пришёл?

Я оборачиваюсь на кухню, где мама всё ещё сидит за столом. Она смотрит на меня вопросительно, но я качаю головой. Не сейчас. Сначала я должна понять, что происходит.

Открываю дверь.

Роман Дмитриевич стоит на пороге. В темноте подъезда он выглядит старше своих лет. Плечи опущены, лицо серое, под глазами залегли тени. Он смотрит на меня, и в его взгляде нет той враждебности, что была в зале суда. Только усталость и странное выражение... Стыд? Я не уверена.

- Наташа, - говорит он тихо. - Можно мне войти? Я... я должен с тобой поговорить, пожалуйста.

Молчу, а в груди бушует буря — злость, недоверие, любопытство. Зачем он здесь? Чтобы защищать сына? Или угрожать мне? Может, просить меня отказаться от своих требований? Но с этим он опоздал.

- Я не займу много времени, - добавляет он, и голос его звучит глухо. - Просто дайте мне шанс.

Внутри меня всё сопротивляется. Очень хочу захлопнуть дверь, сказать, что мне не о чем с ним говорить, что его

сын предал меня и нашу дочь, что они все — его семья — смотрели на меня как на врага. Но что-то останавливает меня. Именно в его глазах. Какая-то искренняя боль, которую невозможно подделать.

- Мама, - говорю, обернувшись через плечо. - Я сейчас. Не волнуйся.

Мама встаёт из-за стола, подходит к двери и смотрит на Романа Дмитриевича. В её взгляде — подозрение и настороженность. Она помнит, как он всегда держался на расстоянии.

- Наташ, - говорит она тихо, но твёрдо. - Ты уверена?

- Да, мам. Всё в порядке. Пожалуйста, побудь с Дашей и папой.

Она колеблется. Я вижу, как она сжимает губы, как её руки сжимаются в кулаки, но потом она кивает, разворачивается и уходит в комнату к Даше. Дверь за ней закрывается, и я остаюсь одна в коридоре с отцом Артёма.

- Проходите, - говорю я, делая шаг в сторону.

Роман Дмитриевич переступает порог, и я вижу, как он останавливается в прихожей. Смотрит на наши тапки, на коляску в углу, на что угодно, только не на меня. Он выглядит растерянным, неуверенным — не таким, каким я привыкла его видеть.

- Проходите на кухню, - говорю я.

Он кивает и идёт за мной. Молча садится за стол, и я завариваю свежий чай. Понимаю, что делаю это механически,

чтобы занять руки, потому что если не буду двигаться, я просто разорвусь от напряжения. Ставлю перед ним кружку и сажусь напротив.

- Я вас слушаю, - говорю, и голос мой звучит ровно, хотя внутри меня всё дрожит.

Отец Артёма поднимает на меня глаза. И я вижу в них слёзы. Они текут по его щекам, и он даже не пытается их скрыть.

- Наташ, - голос его срывается. - Я пришёл... я пришёл извиниться. Прости меня, если сможешь. Мне так стыдно, что словами не передать.

Смотрю на него, и внутри меня что-то ломается. Я не ожидала этого. Я ждала всего чего угодно — обвинений, угроз, но не извинений и слёз.

- Роман Дмитриевич, - говорю я медленно, боясь поверить его словам, - вы... вы пришли извиниться?

- Да, - он опускает голову, смотрит в кружку с чаем. - Я смотрел на тебя, там в суде, слушал, как ты говорила, и думал: «Как же мы проглядели? Почему мы позволили этому произойти?».

Я молчу. Внутри меня бушуют чувства. Часть меня хочет ему поверить — той части, что устала быть одна, что хочет, чтобы хоть кто-то из семьи Артёма признал, что это неправильно. Но другая часть, та, что сжигала меня изнутри эти недели, шепчет: «Не верь. Это ловушка. Они просто хотят, чтобы ты сдалась».

- Я думал, что знаю своего сына, - продолжает он. - Думал, что вырастил хорошего человека, но я ошибся. Когда я узнал... когда я узнал, что у вас происходит, и что он бросил вас с Дашей...

Голос его срывается, и он замолкает. Смотрю на него и вижу, как дрожат его руки.

- Вы не знали, что у него вторая семья? - спрашиваю я тихо.

- Нет, - он качает головой. - Я не знал до вчерашнего вечера. Вчера позвонила Карина, и рассказала что Артём разводится, что у вас тяжёлая ситуация с Дашей и про их... сына... Я не знал ничего, Наташа. Мне стыдно, что я не смог воспитать из сына достойного человека, который бы думал своей головой и брал на себя ответственность.

Роман Дмитриевич замолкает, и вижу, как он вытирает глаза тыльной стороной ладони. Он выглядит старым и разбитым. Чувствую, как моя злость начинает таять, уступая место чему-то другому — жалости? Пониманию?

- Я всё это время думал, что вы живёте своей жизнью, что у вас всё хорошо, - продолжает он. - Мы ведь общались с Артёмом, но он всегда говорил, что вы с Дашей просто заняты. Я думал... я думал, что у вас всё хорошо. Прости меня, Наташ. Я должен был быть рядом. Тогда хотя бы мог помочь. Обязан был это сделать, даже если ты думала, что мы против тебя, но я не знал. И это моя вина.

- Это он ушёл и не захотел знать, что происходит с его до-

черью. Это Артём выбирал другую женщину, другую семью, Влада, а не нас. Так что не вините себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.